

Анна Безелянская

Юрий Безелянский

Жила-была женщина

очерки

зарисовки

эссе

Юрий Безелянский

Жила-была женщина (сборник)

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Безелянский Ю. Н.

Жила-была женщина (сборник) / Ю. Н. Безелянский — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-272-6

Книга Анны и Юрия Безелянских «Жила-была женщина» является в некотором роде синтетической, она женская и мужская одновременно. Женщины найдут в ней много интересных историй про любовь, брак, заботы, тяготы, надежды и устремления исторических личностей женского рода от Агаты Кристи и Сары Бернар до Паши Ангелиной. Мужчины наверняка обратят внимание на женскую психологию, на то, что двигает женским полом, как женщины смотрят на мир, что хотят получить и откуда возникают капризы и метания женских душ. И все это на примере знаменитых и выдающихся женщин из разных времен и народов. Биографии-эссе дополняют истории известных картин из музеев мира – знаменитые женские портреты. И еще в книге есть раздел художественных рассказов о женской доле. Книга рассчитана на любой вкус и на чуткое отзывчивое сердце.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-272-6

© Безелянский Ю. Н., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Объяснение с читателем по поводу книги «Жила-была женщина»	8
Свою судьбу они определили сами. Исторические зарисовки.	10
Эссе	
Папский престол	11
Лжемарина в претензии на власть	12
Несвятая Эва Перон	13
Рожденная для власти и трона	14
Красивая и независимая	17
Первые симптомы болезни	19
«Белоснежная соната...»	21
Мать Мария	22
Дневник княжны	27
Иступленная «душечка»	29
Русская француженка	30
Век Симоны Вейль	33
Истерзанная душа Анны Барковой	34
Русская Сафо	35
Муза философа и поэта	40
Ее орудием была – ручка	44
Триумф «Валентины» в Нью-Йорке	46
Вдохновительница семьи Рерихов	48
Крутые виражи Памелы Гарриман	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Безелянская, Юрий Безелянский
Жила-была женщина:
очерки, зарисовки, эссе

© Безелянский Ю. Н., 2017

© Безелянская А. Н., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

Предисловие

С чего начинается книга? С заголовка, с названия – и это такая мука, как назвать, как озаглавить, все равно что выбрать имя ребенку. Людмила – тривиально, Эльвира – претенциозно, Глафира – старомодно, Иван – то ли простачок, то ли Иван Грозный, Борис – но во дворе могут кричать: «Борис, борись!» – это опасно; Абрам – анекдотично, Альфред – аристократично и т. д. Так же и с книгами.

Классики наши не заморачивались и часто выбирали заголовки самые простые и обыденные: «Метель», «Обрыв», «Деревня», «Дым», «Степь», «Ревизор», «Идиот», перечислять – не перечислишь. Правда, иногда заковыристо: «Горе от ума» или «Человек в футляре». А то громко, с вопросом: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Анна Безелянская решила назвать свою книгу «Жила-была женщина». Проще не бывает. Но емко, с многоточием... Что-то в этом от пушкинской сказки: «Жил старик со своею старухой / У самого синего моря...» Сразу вспоминаются названия фильмов: «Жил-был король» (Чехословакия), «Жил-был мошенник» (Англия), «Жил певчий дрозд» (СССР) и уж совсем далекое-близкое: «Жила-была девочка» режиссера Виктора Эйсымонта. 1944 год. В роли девочки Кати Наташа Зацепина, которая сыграла разных девочек и в других картинах: «Слон и веревочка», «Первоклассница», «Это мы не проходили». Ну, конечно, и «это нам не задавали».

«Жила-была» – про Жизнь. Как отмечал Жан де Лабрюйер, французский писатель XVII века: «Жизнь – трагедия для того, кто чувствует, и комедия для того, кто мыслит».

А английский писатель Сомерсет Моэм утверждал: «Жизнь на десять процентов состоит из того, что вы в ней делаете, а на девяносто – из того, как вы ее принимаете».

«Главное в жизни – ни о чем не жалеть и никогда не оглядываться назад», – говорила Кэтрин Мэнсфилд, английская писательница (1888–1923).

Все трактуют жизнь на свой лад и выносят ей разные оценки, подтверждая своей жизнью тот или иной афоризм. Этому, собственно, и посвящена книга, состоящая из очерков – зарисовок – эссе, посвященных различным женщинам из разных времен и стран, от папессы Иоанны, занимавшей престол римского папы в IX веке, до советской трактористки Паши Ангелиной (XX век).

Но у книги «Жила-была женщина» есть и другая особенность. Она – двуавторская. Первая часть написана Анной Безелянской, вторая – Юрием Безелянским. У соавторов разный подход – женский и мужской, разное понимание и интерпретация женских судеб, разный стиль изложения, разный эмоциональный окрас. Но это не ради столкновения или сравнения, это все равно как жизнь в браке женщины и мужчины: несмотря на различия, они вместе существуют под одной крышей, а в данном случае под одной обложкой.

Удачная эта идея двуавторства или нет (как Ильф и Петров, как братья Стругацкие), судить не нам, а въедливым читателям. И надо иметь в виду, что в книге не созданный единый текст, а разный. Просто механически соединенный.

Каждый из авторов выбирал своих героинь по своему вкусу и каким-то тайным внутренним соображениям, в соответствии со своим «я». Неодинаков и объем: о ком-то очень кратко, о ком-то более растянуто.

Вот и все в качестве предисловия. Книга написана, издана, осталось только прочитать ее, вникнуть, посопереживать тем знаменитым женщинам, которые когда-то жили-были, а потом ушли за горизонт. Все они достойны нашей памяти. И жизненный опыт каждой из них следует примерить к своему опыту. Чужой опыт никогда не помешает. Так что не отвергайте с порога: «А мне это неинтересно!», «А я это знаю!» Может быть, и знаете. Но не так, как вам предлагают узнать авторы АБ и ЮБ.

АБ и ЮБ
Сидели на трубе
И толковали о судьбе,
Что хромает при ходьбе.
АБ сказала: ах!..
ЮБ добавил: страх.
АБ: Какой размах.
ЮБ: Иллюзий крах...
На этом порешили
И книгу отложили...

Но то авторы. А вы, дорогой читатель, обязательно ее прочтите. До конца. И задумайтесь о том, как жили-были другие женщины. И как живете вы...

Немного подумать – всегда полезно.

*Немного подумавший
Юрий Безелянский*

24 марта 2016 года

Часть первая Жила-была...

Объяснение с читателем по поводу книги «Жила-была женщина»

*Ты – женщина, ты – книга между книг.
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.
Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!..*

Валерий Брюсов

Да, жила-была женщина. Жила. Была. Есть. И сколько книг ей, то есть нам с вами, дорогие читательницы, посвящено. И зачем нужна еще одна?! Объясняю.

Ни одна из изданных книг (а их тысячи!) так и не объяснила, что же такое – ЖЕНЩИНА. Не объяснит и наша с вами. Женщина слишком многолика, многогранна и соответствует каждой эпохе. Что хочет время, что оно требует, то и получает: Мессалину или Жанну д'Арк, Сафо или Елизавету – королеву-девственницу, Пашу Ангелину или бабочку-путану И всегда она – женщина, любимая, уважаемая или презираемая. Словом, «ведьмовский напиток»:

Он жжет огнем, едва в уста проник,
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты – женщина, и этим ты права...

На наших глазах сменилось тысячелетие. Но это так глобально, что не хочется (да и не может) вдаваться в подробности. А вот смена столетий уже кажется более частным событием, потерявшим сакральный смысл. Просто смена цифр, новое определение времени, как Новый год. В прошлом веке осталась прожитая нами жизнь. Наше сегодня стало вдруг вчера. Но мы остались детьми XX века. Прощание с веком продолжается...

Женщина XX века. Она вышла из века XIX, желая свободы. И для начала сбросила корсет. По ее недавно спеленутому телу заструились шелка, она «пахла духами и туманами». Это по Блоку. А вот и Северянин: «В группе девушек нервных, в остром обществе дамском...». Под «стрекот аэропланов», «ветропросвист экспрессов» они курили свои пахитоски и грезили о любви... Ах, эти милые мифы...

Уже занималась Первая мировая война, уже виделось зарево Гражданской, потом короткая передышка и – Вторая мировая, ад Хиросимы. Век огненный и страшный, век атомный... Казалось, что близится Апокалипсис... И это нагнетание – тоже миф.

Женщина XX века выдержала этот завораживающе нескончаемый ритм, как на велотреке. Она приняла на себя все невзгоды и радости. Она добилась свободы и равенства в правах. Она пришла в политику, она поднялась на научный Олимп, освоила космос, проявила

себя в бизнесе. Деловая, жесткая, сильная, одновременно нежная, любящая. И порой такая одинокая...

Начало ХХI века не порадовало человечество. Приходится новое время воспринимать как данность и жить в мире непредсказуемой реальности и холодного прагматизма. В мире расчета и целесообразности. В мире, в котором становится меньше романтизма, фантазии, мечты и тепла. Эмоции становятся холоднее и рассудочнее, любовь Ромео и Джульетты воспринимается почти как литературная сказка.

Помню, Международный фестиваль молодежи и студентов 1957 года обрушился на нас, как лавина, сметая пуританство и ханжество советской пропаганды. На смену нелепому белью, которое и не хочется называть женским, пришло нейлоновое великолепие. И началось... Отрицая все старое, ограничивающее и сдерживающее, женщина отдалась природному инстинкту. Она неожиданно поняла, каким сокрушительным оружием она обладает. Только вот пользоваться им она еще не умела, и оно выстрелило в нее – женщина, ее красота стали товаром. Не забуду, как об одной моей знакомой, настоящей красавице, сделавшей карьеру, сказали: «У нее был отменный стартовый капитал, и она им хорошо распорядилась».

Еще раз скажем: современная женщина многолика и неуловима. Признаемся, значительно легче писать о женщинах прошлого, чем о современных. С них и начнем.

Свою судьбу они определили сами. Исторические зарисовки. Эссе

Илиада, Платон, Марафонская битва, Моисей, Венера Медицейская, Страсбургский собор, Французская революция, Гегель, пароходы и т. д. – всё это отдельные удачные мысли в творческом сне Бога. Но настанет час, и Бог проснется, протрет заспанные глаза, усмехнется – и наш мир растает без следа, да он, пожалуй, и не существовал вовсе.

Генрих Гейне

Папский престол Папесса Иоанна

Читатель вправе спросить, при чем тут папский престол, если у нас речь идет о женщинах. Немного терпения. Именно потому, что наша героиня – женщина, может многое быть необычным, возможны любые мистификации. Вспомните кавалер-девицу Надежду Дурову или поэтессу Черубину де Габриак...

Мы вам предлагаем более крутой (как бы сказали сегодня) вариант. А для этого перенесемся в раннехристианский Рим. 17 июня 855 года скончался папа Лев IV. Его прах ныне покоится в алтаре Капеллы Колонна.

Смерть папы не вызвала особенного волнения. С выбором наместника святого Петра тоже проблем не было, ибо папа Лев IV еще при жизни назвал кардинала Иоанна Ланглуа как единственно достойного занять папский престол.

Вот только избранию нового папы, получившего имя Иоанн VIII, предшествовали необъяснимые события, как будто природа была против. В момент объявления имени папы ясное небо над Римом почернело и ударил страшный гром.

К папе принесли бесноватого для исцеления. После совершения обряда он обратился к бесу, якобы вселившемуся в несчастного, скоро ли оставит того, и услышал: «После того как ты, отец отцов, покажешь духовенству и народу ребенка, рожденного папессой». Окружающие ничего не поняли, а папа... вернее, та, кого считали папой, онемела от ужаса.

Ее звали Агнесса. Девочка не знала материнской ласки: ее мать умерла вскоре после родов. Она была англичанкой. Отец Агнессы, профессор теологии, похитил девочку из дома во время своей миссионерской деятельности в Англии. Он много путешествовал, и дочь всегда была рядом с отцом. Более того, в дальнейшем проповедническая деятельность отца увлекла и Агнессу.

Мы не знаем, как она выглядела, но предание гласит, что она была не только умна, но и очень красива. Так что читателю предоставляется возможность самому нарисовать ее портрет.

К сожалению, красота в то грубое время была скорее неудобством, чем достоинством. Пока был жив отец, беспокоиться было не о чем. Но его час пробил, когда Агнесе исполнилось всего 14 лет. И пришлось Агнесе переодеться в мужское платье, остричь свои прекрасные волосы. Под именем Иоанна Ланглуа она поступила послушником в бенедиктинский монастырь на Фульде, где монахи занимались разборкой старинных манускриптов.

Работа приносила девушке огромное удовольствие, но природа брала свое. Агнесе 16 лет. Где взять силы, чтобы избежать искушения, когда рядом с тобой Он... Как привлечь к себе внимание, но только Его?!

Агнесса сумела добиться взаимности. Любовники не расстаются ни на минуту и, конечно, теряют бдительность. Вскоре братья-монахи раскрыли тайну Иоанна Ланглуа. А в то время подобное переодевание рассматривалось как преступление и каралось костром.

Агнесе предложили... Вы уже догадались? Да, ей предложили делить ложе со всеми. Агнесса вынуждена была бежать.

Любовники вернулись в Европу. Во Франции Агнесса участвовала в публичных диспутах, вызвав восторг «апостола северных народов» ученого монаха Бертрама. Она старалась долго не задерживаться на одном месте и путешествовала по разным странам, узнавая их обычаи и нравы, что оказало ей бесценную услугу, когда она стала папессой.

Скитания и неустроенный быт сказались на здоровье ее возлюбленного, который скончался в Афинах, где она блестяще окончила философскую школу. Теперь уже ничто не удерживало ее в городе, а диплом открывал большие возможности. Более того, честолюбивая женщина все чаще стала заглядываться на папскую тиару. Итак, путь ее лежал в Рим.

В Вечном городе ее ждал триумф. Ее научные познания поражают римских философов. Она получает место нотариуса при римской курии. Ученые со всей Европы стремятся в Рим, чтобы не пропустить диспуты с ее участием. Путь к престолу открыт.

Период, когда на престоле находился папа Иоанн VIII, считают историки, был самым спокойным периодом в жизни римской церкви. Не было жестоких процессов с пытками и кострами. Народ немного вздохнул. Но один кардинал каким-то образом узнал, что скрывала Агнесса. Что делать? Агнесса уже немолода, но по-прежнему хороша собой. Во имя спасения себя, или чувство заговорило вновь (?!), но решилась она соблазнить кардинала. И соблазнила. Можно, казалось, успокоиться, но беда пришла именно тогда, когда ее не ждали, – Агнесса забеременела.

До самых родов ей удавалось это скрывать, но тут в Рим нагрянула эпидемия. Народ требовал, чтобы папа совершил крестный ход, надеясь молитвой смягчить гнев Бога. Пришлось подчиниться воле народа.

Это случилось 30 ноября 857 года. Народ высыпал на улицу в ожидании увидеть святого отца. Агнесса еле шла: начались предродовые схватки. По мере приближения к Колизею ей становилось все хуже и хуже. Бедная женщина упала, народ в смятении бросился к ней... Увиденное ошеломило: папа Иоанн VIII бился в предсмертных судорогах, рядом лежал мертвый ребенок...

Документов, свидетельствующих о рассказанном нами, не сохранилось. Остались легенды, предания. Имя папы Иоанна VIII вычеркнуто из истории. Только вот почему-то с 857 по 1520 год существовало правило удостоверить пол кандидата на папский престол. А в Риме ходила эпитафия:

Ключи от райских врат вручались лишь тому,
Чей – по осмотру – пол не возбуждал сомненья.
Но нынче не слышать об этом, почему?

А действительно, почему?

Лжемарина в претензии на власть (Марина Мнишек)

Россия. Смутное время. 25 мая 1604 года в Самборе подписан удивительный брачный контракт, обязывающий Лжедмитрия жениться на подданной короля Сигизмунда III Марине Мнишек. «А не жинюся, – значилось в кондициях, – яз проклятво на себя даю».

По контракту Лжедмитрий обязался выплатить отцу невесты миллион польских злотых из московской казны. Марина как царица должна была получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли. Более того, все православное царство Московское должно было перевести в католическую веру в течение года.

Гладко было на бумаге... Да не о том речь.

Марине было всего 16 лет, когда ее отец, сандомирский воевода Юрий Мнишек, отдал руку дочери самозванцу. Знала ли Марина, кто ее жених? Вполне возможно, что и не знала, и прав Пушкин: его Марина выходила за царевича Дмитрия. Откровения жениха вначале ошеломили гордую полячку: «О стыд! О горе мне!». Но потом непомерное честолюбие взяло верх:

Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Дмитрия.

Не знала Марина, что власть вначале манит, а потом... убивает. Но вряд ли это знание остановило бы Марину. Власть – наркотик. Ее всегда мало. А ей так хотелось быть царицею, царицею Москвы.

Была ли она хороша? Вновь обратимся к Пушкину:

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Это мнение одного из ее подданных. А что говорят современники? Историк С. Думин приводит следующее описание:

«Высокий, слегка выпуклый лоб, длинный нос, узкие сжатые губы. Но – красивые большие глаза, прекрасные черные волосы. Миниатюрна, изящна. Умела нравиться». От себя добавим: надменна, горда.

У ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я холодно отвергла.

Именно это ее и погубило. Ей довелось царствовать всего девять дней. 2 мая 1606 года пан Юрий со своею дочерью въехал в Китай-город, 8 мая состоялось венчание на царство, а 17 мая «заговорили колокола». Толпа штурмовала кремль. Самозванец был растерзан. Марина чудом уцелела. Пройдут века, и другая Марина, Цветаева, назовет горе-царицу Лжемариною.

Но Марине так хотелось быть царицею, что она трагедию превратила в жуткий фарс. На сей раз она совершенно осознанно приняла участие в походе Лжедмитрия II, во второй раз став Лжемариной. При этом она свято верила в свои права на московский престол, о чем и пишет королю Сигизмунду, прося о помощи: «Всего лишила меня превратная судьба, одно лишь законное право на московский престол осталось при мне, скрепленное венчанием на царство, утвержденное признанием меня наследницей и двукратной присягой всех государственных московских чинов».

Чем кончились эти притязания, читателю известно. А что же Марина, «Мнишека надменного дочь»?! Хроника на этот счет скупа: «Маринка умре на Москве».

Несвятая Эва Перон

На время перенесемся в век XX и расскажем историю женщины, не менее трагичную, чем Марины Мнишек. Создатели фильма-эпопеи «Эвита» с Мадонной в главной роли жаловались на различные угрозы и предупреждения в свой адрес. Легенда о «святой Эвите» настолько жива в народе, что всякое отклонение от этого образа чревато последствиями. Авторы фильма посягнули на эту легенду. Их Эвита вовсе не была святой. Она – опытная интриганка, прокладывающая себе путь вверх через постель. В действительности все было значительно сложнее, ибо жизнь не приемлет черно-белых решений.

Эва Перон обожала разбрасывать деньги в толпу: она целовала купюру и швыряла ее с медленно идущего поезда во время своих бесчисленных поездок по стране. И это не легенда. У многих аргентинцев хранятся эти казначейские билеты как память о встрече с Эвитой.

Мария Эва Дуарте родилась 7 мая 1919 года в нищей деревушке Лос Тольдос в двухстах километрах от Буэнос-Айреса. Она была младшей из пяти незаконнорожденных детей Ханин Ибаргурен и Хуана Дуарте. Мать была служанкой у Дуарте. Девочке было два года, когда отец умер.

Противники Эвы Перон, не забывающие ее низкое происхождение, с удовольствием говорят о слишком вольной жизни в юности. Да, Эвита не была пуританкой, но... Когда один из покровителей стал ее щупать на заднем сиденье авто, девушка надменно отрезала: «Синьор, я не с панели...»

Красота Эвиты, ее сексапильность, раскованность стали проводниками в ее жизни. Появление будущей президентши в Буэнос-Айресе не стало государственной сенсацией: путь в высшее общество эта провинциалка прокладывала себе сама. Первый успех пришел к ней на «Радио Бельграно». Руководитель радиостанции оценил ее «яростный дар» убеждения и предложил вести по вечерам передачу «Пять минут для народа». Эти «Пять минут» сделали Эвиту любимицей аргентинцев, для которых она «пела гимн честной нищете, которую познала сама...».

С полковником Хуаном Пероном, красивым мужчиной, любимцем женщин, Эва познакомилась в 1943 году, а в 1945-м они поженились. Честолюбивая женщина сделала все возможное, чтобы Перон стал президентом. При этом она поставила ему одно условие:

«Если вы утверждаете, что дело народа стало вашим личным делом, я буду оставаться на вашей стороне до самой смерти».

Природа наградила Эву Перон сильным и очень сложным характером. Она была удивительно обворожительной и чудовищно мстительной. Такой же непростой была и ее политическая жизнь. С одной стороны, она проводила социальные реформы, спасая нищих от голодной смерти. Возглавляемый ею фонд строил школы, жилые дома, больницы, приюты для престарелых. Эва добилась равных избирательных прав для женщин, помогала профсоюзам. И народ говорил: «Мы готовы умереть за Эвиту».

А с другой стороны – обожала роскошь. Вышедшая из нищеты, она была ненасытна. В апреле 1947 года Франко пригласил Эвиту посетить Испанию с государственным визитом. Она взяла внушительный багаж: 180 костюмов и соответствующие аксессуары – кольца, диадемы, броши и прочие украшения из бриллиантов, сапфиров, изумрудов...

Ее политические пристрастия тоже вызывают недоумение. Газета «Нью-Йорк пост» утверждала, что Перон отличалась антисемитскими взглядами и поддерживала Гитлера и Муссолини. «Как и всякий нормальный фашист, – писала газета, – Эвита была страшным противником свободы печати».

А народ боготворил ее. Видимо, не случайно феномен Эвы Перон интересовал сильных мира сего. Не всем, возможно, известен тот факт, что последним иностранным послом, принятым Сталиным, был посол Аргентины. Вождь задал ему вопрос, чем объясняется популярность Эвы Перон в народе: «...ее личными качествами или тем, что она была женой президента?».

При всей популярности в народе Эвита была очень одинока. У нее не было частной жизни, не было близких друзей. Не было нормальной семьи, детей. Был муж-президент, были обязанности перед страной. Эвита работала с восьми утра и до полуночи. Был расписан каждый час. Подобный ритм не мог не подорвать ее здоровье.

Мария Эва Дуарте де Перон умерла от рака матки 26 июля 1952 года. Ей было всего 33 года.

Рожденная для власти и трона (императрица Франции Мария-Луиза)

Но вернемся в век XIX. Франция не чтит Марию-Луизу. Вы не найдете ее сувенирных портретов. Гиды недружелюбной скороговоркой расскажут вам об этом этапе жизни Наполеона. Французы не простили императрице предательства своего кумира. А то, что Наполеон – кумир, не оставляет никакого сомнения. И нет им дела до объективных обстоятельств жизни Марии-Луизы, мотивов ее поступков. Для Франции императрица Мария-Луиза – неприятное

воспоминание, как и поражение Наполеона в России. Предательница-жена, плохая мать – таков приговор истории. Но давайте на это посмотрим с другой стороны. И поможет нам в этом Лука Гольди, автор исторических хроник, в том числе и о Марии-Луизе.

Итак, действующие лица драмы. Она – дочь австрийского императора Франца I. Он – император Франции. Начало событий – 1810 год.

Наполеон в зените славы. Поверженная Европа у его ног. Но что так омрачает радость императора? Отсутствие наследника. Конечно, у него есть внебрачные дети, в частности от графини Марии Валевской. Но то бастарды, незаконнорожденные. А он хочет легитимного наследника. Сам пришедший из социальных низов, он мечтает о знатности своего сына. После развода с Жозефиной Наполеон занялся поисками невесты, точнее матери для будущего Римского короля (такой титул ждал сына Наполеона). В поисках титулованных особ обратил свой взор Наполеон на Россию.

Сестра императора Александра I, великая княжна Анна. Возможно, и избежала бы Россия войны 1812 года, будь Александр I более сговорчив. Но Наполеону отказали. Холодно поблагодарив за честь, сослались на юный возраст великой княжны, которой едва исполнилось 16 лет. Корсиканец был оскорблен.

Вот тогда-то он и обратил внимание на эрцгерцогиню австрийскую Марию-Луизу. Почему? Объяснение, согласитесь, замечательное: австрийские императрицы были очень плодовиты – 13 и даже 16 родов были не редкость. «Вот нужная мне утроба!» – в восторге изрек Наполеон.

Узнав о притязаниях Наполеона, Мария-Луиза была уверена, что «папа добр, он не принудит меня». Но одно дело папа, другое – император, а император дал согласие незамедлительно. Австрия находилась в затруднительном положении, и Меттерних рассчитывал с помощью брака превратить поражение Австрии в победу. Францу I ничего не оставалось, как согласиться со своим канцлером.

Мария-Луиза ошеломлена вероломством своего отца: ее отдают в жены «проклятому корсиканцу», ненависть к которому росла в ней с детства. Еще ребенком она играла в Наполеона: так называли они с братом деревянную куклу, которую пинали ногами, обзывали обидными словами, а однажды даже подожгли, чуть не устроив настоящий пожар.

И вот отец отдает ее, «грациозную дрезденскую фарфоровую статуэтку», в руки врага, варвара. Трудно представить более непохожих людей. Искушенный в любви грубый солдат и – милая девочка, выросшая в тепличных покоях Хофбурга. Он ведет блистательные сражения, она – вышивает, плетет тесьму и музицирует. У нее светлые волосы, пленительные ямочки на пухлых щечках – он некрасив, темноволос, «с магнетическим взором и волевым подбородком». Он победитель, ее удел – подчиняться.

Много лет спустя Мария-Луиза напишет: «Что же вы хотите, мы, принцессы, были воспитаны не так, как другие женщины, мы не знали равенства в семье и равенства в чувствах, нас всегда готовили к событиям, прерывающим все отношения и связи, переносящим нас далеко от родителей и создающим для нас новые, иной раз прямо противоположные интересы...»

Судьба эрцгерцогини решена: 11 марта 1810 года в Хофбурге заключается брачный договор. Толщина пальцев будущей супруги неизвестна, поэтому освящаются сразу 11 обручальных колец. Какое-нибудь да подойдет! А 13 марта Мария-Луиза покидает Вену. Предстоит долгий путь в Компьен, где она встретит Наполеона. Две недели в карете. В этом, возможно, и спасение?! Представьте, что она будет в Париже через час! Тут и до нервного срыва недалеко. А так путешествие, похожее на театрализованное представление, перестраивало психику будущей императрицы.

Нескончаемый кортеж, аристократы, предоставлявшие в распоряжение невесты свои замки, народ, толпившийся вдоль дорог. У кого не закружится голова? А свадебные подарки!

«Сатрап» был щедр. И менялось постепенно отношение Марии-Луизы к предстоящему событию: молодость, любопытство, жажда жизни брали свое.

И вот первое знакомство: 16 марта в Брунау свадебный кортеж переходит под охрану французов. На поляне устроен маленький трон, будущую императрицу представляют двору. Невеста одета по канонам австрийской элегантности, чем вызвала насмешку свояченицы, сестры Наполеона Каролины: «Милочка, вы похожи на цветочную корзину».

Да, Вена провинциальна по сравнению с Парижем, но в Марии-Луизе течет королевская кровь. Она на подсознательном уровне чувствует, что надушенные придворные дамы – парвеню. Это ее успокаивает: ведь научиться французской моде не составляет труда. И когда 2 апреля она является на свадебную церемонию, то восхищенному взору Наполеона предстает великолепная женщина.

Первая брачная ночь тоже не разочаровала императора, наутро он был нескромен, сказав слуге просто, по-солдатски: «Женись на немке». Мария-Луиза была очень чувствительна, а опытный супруг разбудил в ней дремлющий вулкан. Их недолгая совместная жизнь была счастливой. Наполеон полюбил жену, осыпал ее подарками, нежностью, вниманием. Он на время оставил государственные дела, посещал с ней балы, скучая, пока она веселилась, дремал в опере, пока жена наслаждалась музыкой (ведь она из Вены). Он делал все, чтобы доставить ей удовольствие. От нее ждал главного – наследника. Но следует быть справедливыми: любовь Наполеона была искренней..

Первые роды Марии-Луизы проходили с осложнениями. Врач заметался, не зная, что делать. Император лаконичен: «Спасите мать и успокойтесь».

20 марта 1811 года родился долгожданный сын Наполеона Франсуа-Жозеф-Шарль. 9 июня его крестили в соборе Нотр-Дам. Семь тысяч человек присутствовали на этой церемонии.

И тут непременно следует отметить, как по-разному отнеслись к рождению сына венценосные родители. Наполеон не просто любит сына – он благоговеет перед ним. Его отцовство не только желанно, оно выстрадано. Все свободное время он посвящает сыну. Сажает к себе на колени, играет с ним в солдатики. Он трепетно ласков с ним. Этот беспощадный воин все свои мечты и надежды связывает теперь с сыном – есть кому передать дело, империю. Неудивительно, что уже взрослый Франц (так его будут звать в Австрии) вспоминает отца с любовью, боготворит память о нем.

Мария-Луиза психологически не была готова к материнству. Она выполнила пункт договора – родила наследника. Все остальное ее не заботило. Более того, сын стал в ней вызывать ревность, ибо он монополизировал любовь Наполеона. И Мария-Луиза отстранилась от ребенка, перепоручив его главной няне.

Что это? Черствость? Инфантилизм? Ей на момент рождения сына не более 17 лет. Вспомним, как она выходила замуж. То была политическая сделка отца и будущего мужа. Она честно выполнила условия этой сделки: родила наследника. Наполеон должен был выполнить свои пункты: трон, власть, деньги. О любви речи не шло! Случилось непредвиденное – император полюбил ее. А она? Что она знала о любви? Ничего. Наполеон сделал ее женщиной, разбудил чувственность, но не чувства.

Историки упрекают Марию-Луизу за то, что она полюбила трон, что она «порхала от одного праздника к другому, становясь все веселее, все элегантнее». Наполеон волнует ее, но правильное сказать – ее волнует император Наполеон, а не мужчина. Ее волнует его власть. И это неудивительно. Она была рождена для власти и для трона. Ведь это ее муж – император-плебей, «ничтожный капралишко», а за ней несколько веков королевских предков. Не случайно Наполеон неуютно чувствовал себя в императорских покоях и сохранил свой аскетичный рабочий кабинет. Серый сюртук ему милее императорской тоги. А Мария-Луиза себя чувствовала как дома и в Версале, и в Тюильри, и в Фонтенбло. Ее раздражали сварливые род-

ственники мужа, а не величие стен. Быть на троне – у нее в подсознании. И она благодарна мужу, что он ей это дал.

Когда же Наполеон стал терять свое величие, когда Мария-Луиза поняла, что остается с ним наедине в его изгнании, она сочла себя свободной, ибо это не входило в их договор. Этот пункт не был предусмотрен в сделке. И она в многочисленных письмах к мужу скрывала истинный мотив отчуждения – Мария-Луиза не любила его, она не собиралась жертвовать ради него своей жизнью. Она твердо заявила о своих правах быть просто женщиной.

Историки сожалеют, что Мария-Луиза упустила возможность войти в Историю с высоко поднятой головой. Но она не была героиней и тем более мученицей. В ней победила женщина и жизнь. Она полюбила другого мужчину, родила ему двоих детей, тем более что Наполеон перестал быть императором.

Узаконить отношения стало возможно после смерти Наполеона в 1821 году. Мария-Луиза скорбела об ушедшем протокольно, в душе же испытывала облегчение. Страница жизни «Наполеон» перевернута навсегда и без сожаления: «Хотя я и не испытывала к нему ни единого глубокого чувства, я не могу забыть, что он отец моего сына... Я пожелала бы ему еще много счастливых дней, лишь бы он был далеко от меня».

Марии-Луизе 30 лет. Она герцогиня Пармская. Впереди целая жизнь. Она будет счастлива и будет очень страдать. Она потеряет сына и любимого мужа. Но это уже совсем другая история...

Красивая и независимая (Екатерина Скавронская, жена князя Петра Багратиона)

Император Павел I очень любил устраивать счастье своих подданных. Поэтому, когда ему доложили о любовных терзаниях князя Петра Багратиона, он долго не раздумывал. Он приказал Петру Ивановичу задержаться во дворце после дежурства, а графине Скавронской – нарядить дочь Екатерину Павловну в белое платье и привести в Гатчину.

Венчание состоялось 2 сентября 1800 года в церкви Гатчинского дворца. При этом присутствовали Павел I и императрица Мария Федоровна. Как говорится, молодым приказано быть счастливыми.

О том, какое изумление вызвал сей брак в обществе, говорят слова генерала Ланжерона: «Когда Багратион приобрел известную славу в армии, он женился на маленькой племяннице Потемкина... Эта богатая и блестящая партия не подходила к нему. Багратион был только солдатом, имел такой же тон, манеры и был ужасно уродлив. Его жена была настолько бела, насколько он черен; она была красива, как ангел, блистала умом, самая живая из красавиц Петербурга, она недолго удовлетворялась таким мужем...» Увы, генерал был прав.

Князь Петр Иванович Багратион, полководец русской армии, герой войны 1805 года, родился в Кизляре в 1765 году. Он происходил из древнего рода грузинских царей Багратиони. Могила отца счастливо сохранилась на остатках уничтоженного кладбища при церкви Всех Святых на Соколе в Москве. Сохранился и крест, поставленный самим Петром Ивановичем. С могилой же самого князя Багратиона на Бородинском поле благодарные потомки обошлись безжалостно. Потом, правда, опомнились. В настоящее время она восстановлена.

Графиня Екатерина Павловна Скавронская происхождение имела более скромное: Скавронские получили титул от императора Петра I, ибо приходились родственниками императрицы Екатерины I. Отсутствие древней родословной возмещалось поистине царским богатством. Графиня выросла при дворе, блистала удивительной красотой, унаследованной от матери. Эта красота была всепобеждающей, вспоминают современники. Обольстительная Екатерина Павловна любила рискованные декольте, за что светские острословы прозвали ее «обнаженный ангел». Первый любовный опыт графини был печален. Любимый ею граф Павел Пален

предпочел младшую Скавронскую, Марию. Позднее от этого брака родится графиня Юлия Самойлова, муза великого художника Карла Брюллова.

Такое насильственное превращение графини Скавронской в княгиню Багратион в какой-то момент, возможно, и показалось Екатерине Павловне удачным выходом из щекотливого положения. Ведь партия-то была блестящая – знаменитый полководец.

Но только в первый момент. Прошел медовый месяц, и начался ад их совместной жизни. Справедливее сказать, что ад начался для гордого Багратиона, ибо совместной жизни не было. Ее графине заменяли балы, маскарады и модные курорты. О муже она вспоминала только когда требовала денег, а их нужно было очень много, поскольку ее туалеты, выезд, особняки стоили дорого. Это приводило в ужас ее мать, графиню Скавронскую-Литта, но не Багратиона. На возмущение тещи он отвечал: «Однако она моя жена, и я ее люблю, конечно». Можно только догадываться, какую боль испытывало его благородное сердце, но он «женился с теми намерениями, что честный человек...» – и не терпел никакого недоброжелательства в отношении своей жены. В 1808 году русское правительство наградило жен генералов, отличившихся в войне. «Генерал-лейтенантшу» княгиню Багратион обошли, что неслыханно оскорбило Петра Ивановича, он даже думал подать в отставку: «Ее надо наградить, ибо она жена моя...»

Княгиня Екатерина Павловна вряд ли переживала об этом. «Блуждающая княгиня» уже давно обосновалась в Европе: последний раз в обществе мужа ее видели в 1805 году в Москве на обедах, которые устраивало купечество в честь ее знаменитого мужа. Прочитайте «Войну и мир» Льва Толстого.

Княгиня Багратион вначале жила в Париже, а потом остановилась в Вене. Тому были особые причины. Ее дом открыт для самых знаменитых людей Европы. «Ее дом был приятен, – вспоминает современник, – все к ней ездят. На это одних денег не довольно, надобно уменье, любезность, ловкость». Всеми этими качествами обладала удивительная женщина, которая и в 30 лет выглядела как юная дева. Мудрый Гёте писал о ней: «При всей своей красоте и привлекательности она не могла не собрать вокруг себя замечательного общества. Чудный цвет лица, алебастровая кожа, золотистые волосы, таинственное выражение глаз...»

Злые языки судачили о ее многочисленных романах, любовных связях, что и неудивительно при ее красоте и независимости. Особенные разговоры вызывал роман княгини Багратион с канцлером Австрии Клеменсом Меттернихом, тем более что от этой связи родилась дочь Клементина. Мы не знаем, что пережил Багратион, но все поползновения он пресекал моментально: «Какая кому нужда в домашние мои дела?... Кто бы ни была, она моя жена. И кровь моя всегда вступится за нее...» Элеонора Меттерних, жена канцлера, тоже защищала своего мужа: «Я просто не могу себе представить, как смогла бы устоять против него какая-либо из женщин».

Княгиня Екатерина Павловна не была «одной из...». Она представляла для Меттерниха особый интерес: ее удивительная осведомленность во многих политических вопросах, ибо не было тайн, которые бы не были известны «обнаженному ангелу». Но несправедливо представлять княгиню овечкой в объятьях хитрого канцлера. Она выглядела юной девой, но ум ее был трезв и ловок. Она сама использовала его в своих интересах. Скажем так, они были полезны друг другу, тем и интересны. Некоторые историки даже утверждают, документально подтверждая, что именно эта голубоглазая красавица убедила Меттерниха вступить в антинаполеоновскую коалицию. Историк П. Рахшмир приводит ее слова из письма к любовнику, настаивающие занять более решительную позицию: «Я уверена, что политика определяется теперь только пушками».

Всю войну 1812 года княгиня Багратион переправляла в Россию различные секретные сведения. Ее дом стал центром, где «составлялись заговоры против лиц, стоявших у власти... здесь зарождались оппозиционные страсти... В результате горсть русских галлофобов заняла в Австрии положение влиятельной партии...». Душой этой партии, помощницей посла Разумов-

ского была княгиня Багратион. В этом она была едина со своим мужем, со всей Россией – в борьбе с Наполеоном.

Победу Екатерина Павловна встретила в Вене. Здесь она устроила бал в честь императора Александра I, который прибыл на Венский конгресс. В том же году княгиня переехала в Париж... Тайная полиция, считая ее агентом русского царя, установила наблюдение за образом княгини.

Светская жизнь целиком заполняла ее время. В донесениях тайной полиции читаем: «Эта дама очень известна в высшем свете благодаря своим политическим связям и кокетству... У нее бывают личности всякого рода и придворные...» Среди ее друзей Бальзак и Стендаль, маркиз де Кюстин и греческая королева. В какой-то момент вдовствующая княгиня решила выйти замуж за английского генерала и дипломата Карадока, который был на 16 лет моложе ее. Увы, генерал был легкомыслен не менее своей жены. Брак очень быстро распался, ибо княгиня не желала проливать слезы из-за неверности супруга.

Умерла княгиня Екатерина Павловна Багратион в 1857 году. Она похоронена в Венеции.

На 45 лет пережила Екатерина Павловна своего мужа. Незадолго до гибели в 1812 году князь Багратион заказал художнику Волкову два портрета: свой и жены. Екатерина Павловна поставила в селе Кожине под Арзамасом церковь в память о муже.

С грустью заканчиваем мы этот рассказ о людях, которые могли быть счастливы, но не случилось. И приходят на память слова Иосифа Бродского, нашего современника, который нашел упокоение на том же погосте, что и княгиня Багратион:

Распадаются дома,
Обрывается нить.
Чем мы были и что мы
Не смогли сохранить,
Промолчишь поневоле,
Коль с течением дней
Лишь подробности боли,
А не счастья видней...

Кто знает, о чем думалось княгине в ее последние часы. Ее душа была сокрыта от глаз красотой нарядов, а шум светских балов, возможно, заглушал боль ее сердца.

Первые симптомы болезни (Вера Засулич)

Прошли годы со дня теракта в Америке 11 сентября. За все это время вряд ли найдется в мире хоть одно уважающее себя СМИ, которое в той или иной форме не откликнулось на это событие, не писало о терроризме, тем более что жизнь подбрасывает все новые чудовищные сюжеты.

Много мнений, много версий, из которых ясно одно: терроризм – настолько запущенная болезнь, что общество, парализованное его метастазами, не в состоянии найти лекарство, все политологи мира беспомощны выписать правильный рецепт.

А ведь первые симптомы этого страшного заболевания были пропущены. Вспомните всех этих «бомбистов» и в Европе, и в России XIX – начала XX века. Их поступки считали подвигом, их жизнь героизировали. Их защищали лучшие адвокаты, а общественное мнение попустительствовало террористам. Да, эти герои – банальные террористы.

В мае 1919 года в Петрограде скончалась старая революционерка Вера Засулич. Невысокая седенькая старушка, небрежно причесанная, кое-как одетая. Говорила быстро, слегка

захлебываясь. «Но улыбка у нее была, – пишет В. Вересаев, – чудесная – мягкая, застенчивая и словно извиняющаяся».

Нет, она ни в чем не извинялась, эта милая старушка, знаменитая террористка. К своей всемирной славе относилась с иронией, мало ли в 70-х годах было террористических покушений.

Да, действительно, то была молодость, борьба за идеи. А в старости Вера Ивановна много писала, изящно и умно. И вообще она чувствовала красоту во всем и, как сообщает Вересаев, на клочке земли вырастила оригинальный садик...

Вера Засулич родилась 29 июля (10 августа) 1849 года в деревне под Смоленском в семье небогатого помещика, капитана в отставке. Рано осиротевшую девочку отдали на воспитание родственникам. Ее детские воспоминания грустны: «Никто никогда не ласкал меня, не сажал на колени, не называл ласковыми именами». К тому же гувернантка часто порола ее. Сам по себе факт обычный для того времени, даже в дворянских семьях практиковали подобный способ воспитания. Но когда «в назидание» сечет чужой человек... Словом, детская обида переросла во взрослое желание отомстить за несправедливость. И она отомстила.

Однажды Засулич прочитала в газете, что столичный градоначальник генерал Ф.Ф. Трепов приказал публично наказать розгами бунтовщика-студента Емельянова, который в тюрьме вел себя строптиво. Девушка решила совершить высший суд, чтобы «сатрапы и впредь тряслись от страха и не смели обижать борцов за светлое будущее».

24 января 1878 года Засулич явилась в присутствии градоначальника, назвавшись девицей Козловой. Девица желала подать прошение в связи с намерением занять должность домашней учительницы. Когда Трепов подошел к ней, то Засулич вместе с прошением достала и пятиствольный револьвер «Бульдог»...

Грянул выстрел-отомститель,
Опустился божий бич,
И упал градоправитель,
Как подстреленная дичь, —

ходили потом в народе стихи.

Генерал Трепов не вызывал симпатии в обществе: вор и мошенник. Уже давно начальник Третьего отделения лично распорядился начать тайное расследование, какими путями сей государственный муж приобрел свое огромное состояние. Выстрел в генерала, как это ни ужасно (!), был на руку власти, скомпрометированной бессилием против воровства и взяточничества – еще одного нашего хронического заболевания.

Либеральные круги общества встали на защиту Засулич, требовали освободить ее.

Ее защитник П.А. Александров, воспользовавшись слабостью обвинителя, представил стрелявшую как жертву произвола царского режима, невинно проведенную два года в тюрьме и незаконно сосланную под надзор полиции. То есть ее прежняя антиправительственная деятельность рассматривалась как акт борьбы с несправедливым государством за свободу и независимость личности. Когда Александров рассказывал в суде о тяжелой судьбе обвиняемой, в зале слышались рыдания, дамы падали в обморок.

Вера Засулич не сомневалась в своей правоте: «Угнетать человека и попираť его достоинство – величайший грех!»

Так и хочется спросить: «А убить человека?!»

Председатель суда Анатолий Федорович Кони оставил нам портрет террористки: «Тяжелое серое лицо, застывший взор, видно, что рисуется, то есть держит себя как положено человеку с “миссией”».

Суд присяжных оправдал Засулич. Оправдал самосуд. Россия ликовала. Аплодисменты в суде, радостные крики на улице в честь героини. Кони, когда его поздравляли с победой, возразил: «Победа больше похожа на поражение». Его поддержал Лев Николаевич Толстой. Сразу же после суда он написал: «Засуличевское дело не шутка. Это предвещает много несчастий и много греха... Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей недаром. Это первые члены из ряда, еще нам не понятного, но это дело важное».

Последующие бесчисленные теракты во всем мире, взрывы в Москве, ад Беслана, Нью-Йорка и Вашингтона, безумие Талибана и ИГИЛ – это все из того же рода «бессмыслицы, дури, нашедшей на людей недаром».

«Белоснежная соната...» (Генриетта Сорокина)

Война... Какое страшное слово. Первыми жертвами становятся самые незащищенные – дети, старики, женщины. А воины? Они – защитники и жертвы. Одновременно.

И вот оказывается, что есть войны непопулярные. Какой циник придумал подобное определение? Что же, выходит, погибнуть, потерять близких «престижно» в 1812-м и в 1941-м? А как же участники Финской, Афганской, необъявленной в Чечне или на Донбассе?

Такой вот непопулярной в советские времена считалась Первая мировая война, или германская, как ее называли в народе, а в школьных учебниках – империалистическая.

Выстрел в Сараево обрушил мир. И привычная жизнь исчезла: «Теперь война, теперь война». Великий князь Владимир Палей с грустью вспоминал в феврале 1916 года о мирном времени, о возлюбленной:

Привык я видеть Вас скользкой
Под звуки вальса на балах.
С улыбкой нежной и манящей,
С веселым вызовом в глазах...

И та, которая была «светской королевой», ушла на фронт спасать, помогать: «Женщина – теперь Сестра».

Теперь Ты каждого солдата
Своей чаруешь добротой,
И белоснежная соната
Царит в душе Твоей святой.

Генриетта Викторовна Сорокина не была светской красавицей и не принадлежала к высшему свету. Что мы знаем об этой женщине? Очень мало.

Августа Карловна Сорокина (девичья фамилия неизвестна) была шведкой, родилась в Риге в семье механика Балтийского флота. Понятно, что отец всегда был в море, а девочкой занималась мать, которая дала ей хорошее образование, позволившее работать гувернанткой. По рассказам дочери Сорокиной пунктирно можно восстановить ее жизнь.

Итак, Августа – гувернантка в семье фабриканта Коншина и живет в его имении в Калужской губернии. Управляющий имением, отставной офицер лейб-гвардии уланского полка Николай Осипович Сорокин влюбился в нее с первого взгляда. Августа ответила взаимностью. В 1906 году у молодых родилась дочь. Уютный мир был недолгим. Наступил 1914-й, «когда в безумной свалке народы нервы напрягли...».

Николай Осипович уезжает в 6-ю армию Юго-Западного фронта в Галицию. Августа Карловна вскоре последовала за ним. Многие дамы в патриотическом порыве шли на курсы сестер милосердия. Великие княжны подавали всем пример:

Когда мы гнусности немецкой
Решили положить конец,
Когда взамен прически светской,
Взамен жемчужин и колец,
Взамен всего, что соблазняет
В тылу беспечных богачей,
Косынка белая сияет
Вокруг задумчивых очей...

(В. Палей)

Вот и Августа Карловна по окончании курсов уходит на фронт, при этом она предусмотрительно меняет по-немецки звучащее имя: Августа Карловна становится Генриеттой Викторовной. Ее направляют в Восточную Пруссию.

Можно представить, как тяжело было этой отнюдь не изнеженной женщине на фронте, в кроваво-окопном месиве. За свой тяжкий труд на полях войны Генриетта была удостоена Георгиевских медалей. Единственная из участниц непопулярной войны. А вот одна награда так и не была ею получена.

В одном из боев Генриетта была легко ранена в ногу, но продолжала выполнять свою работу. Она подползла к тяжело раненому в живот бойцу. Им оказался знаменосец Либавского полка. Понимая свою обреченность, боец сорвал знамя с древка, свернул его и отдал сестре: «Спаси знамя...»

Она спасла, несмотря на немецкий плен. Этот воинский подвиг согласно статусу удостоивался ордена Святого Георгия, который мог быть пожалован только государем императором. Сорокина была представлена к награде, но... Императору, видимо, было не до наград.

После окончания этой войны страна плавно вошла в революцию и Гражданскую войну. Генриетта похоронила мужа, работала медсестрой, растила дочь. Жила стесненно, как и большинство ее соотечественников. Постоянно ощущала внимание НКВД. Слава богу, все ограничилось вызовами к инспектору для уточнения национального происхождения.

Генриетта Викторовна, сестра милосердия Первой мировой войны, скончалась 5 июля 1950 года и похоронена на Калитниковском кладбище в Москве. Всеми забытая. Но прав был великий князь Палей, написавший в сентябре 1915 года, находясь в действующей армии:

Вы – не покинутый прах!
Вечною памятью, вечною славою
В русских вы живы сердцах!

Эти слова справедливы к жертвам всех войн: популярных и не очень.

Мать Мария

Есть имена, которые окружены мифами, но мифы эти не искажают образ, а, напротив, дополняют его, привнося новые краски и еще более подтверждая логику характера. Такова мать Мария. Мало фотографий, но остались воспоминания о ней. Остались ее стихи, философские труды.

Осталась легенда о ее кончине. Мы никогда не узнаем доподлинно, как она погибла. Да и важно ли это? Миф ее сделал святой. Это только подтверждает, что мать Мария «шла навстречу своему мученическому концу, не отклоняясь, не отстраняясь»:

Зачем жалеть? Чего страшиться?
И разве смерть враждебна нам?
В бою земном мы будем биться,
Пред непостижным склоним лица,
Как предназначено рабам.

Мы много и с благодарностью вспоминаем мать Терезу, а спросите людей о матери Марии... В лучшем случае кто-то вспомнит одноименный фильм Сергея Колосова с Людмилой Касаткиной в главной роли...

Так кто же она, мать Мария? Поэтесса Серебряного века Кузьмина-Караваева? Философ Елизавета Скобцова? Или просто – Лиза Пиленко, которая в 1916 году написала:

Мне дали множество имен,
Связали дух земным обличем...

В поэме «Духов день» мать Мария пишет о себе:

И я вместила много: трижды – мать,
Рождала в жизнь, – и дважды в смерть рождала.

А хоронить детей – как умирать.
Копала землю и стихи писала.
С моим народом вместе шла на бунт,
В восстании всеобщем восставала.
В моей душе неукротимый гунн
Не знал ни заповеди, ни запрета,
И дни мои – коней степных табун
Невзнузданных – носились. К краю света,
На запад солнца привели меня,
И было имя мне – Елизавета.

Елизавета Юрьевна Пиленко родилась 8 (20) октября 1891 года в Риге. Со стороны матери дворянские предки состояли в родстве с Фонвизинными и Грибоедовыми. Отец – юрист, товарищ прокурора Рижского окружного суда. В 1895 году он оставил службу и перебрался с семьей в Анапу, где занялся виноделием, стал директором Никитского ботанического сада. В 1896 году отец Лизы скончался. Мать увезла девочку в Петербург, лишь на лето она возвращалась в Анапу.

Окончив в Петербурге гимназию, Лиза поступила на философское отделение историко-филологического факультета Бестужевских курсов. Этого ей показалось недостаточно, и она оканчивает Петербургскую духовную академию. Только не представляйте ее синим чулком. Напротив, Лиза была живая и общительная, с несвойственным Петербургу «ярко-румяным цветом лица». Современники запомнили ее «жизнерадостно-чувственной, общительной особой».

Очень избалованная матерью, Лиза производила впечатление взбалмошной и самоуверенной особы. Совсем другой ее увидел Александр Блок:

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите...

Поэт понял, что это не рисовка, испугался своего видения и просит ее:

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.
Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.

Увы, предчувствие поэта не обмануло: жизнь прелестной девушки из Анапы сложилась трагически. Вернее, «сложилась» – это для пассивных натур. Свою жизнь Лиза Пиленко выбрала сама и прожила ее «как назначено свыше, без слез и без ропота». Не покидает ощущение, что она «знала» свою судьбу, свой «огненный» конец:

Какой бы ни было ценой
Я слово вещее добуду,
Приблизясь к огненному чуду,
Верну навеки мой покой.
Пусть давит плечи темный грех,
Пусть нет прощения земного, —
Я жду таинственного зова,
Который прозвучит для всех.

1916

Ее беспокоит только одно:

Лишь бы душа была готова,
Когда придет последний срок.
Не будем, однако, забегать вперед.

На дворе 1910 год. Лиза во власти революционных идей, сближается с рабочей молодежью, ведет занятия при Петербургском комитете РСДРП. Пишет стихи. Высокая, полная, красивая, Лиза «одарена многообразной талантливостью», она энергична и импульсивна. Тем удивительнее кажется окружающим ее выбор – Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев, сын известного профессора государственного права. Интеллектуал, погруженный в себя, ночи

напролет просиживает за книгами. Близкие в недоумении: что могло объединить столь, казалось, разных людей. А подруга Лизы по гимназии Юлия Яковлевна Эйгер-Мошковская вспоминает: «Я была на свадьбе, и когда увидела жениха, мне сразу стало ясно, что Лиза его создала в своем воображении, а может, хотела спасти от какой-нибудь бездны». Брак действительно оказался неудачным и скоро распался, но до конца дней они поддерживали дружеские отношения. Дмитрий Владимирович перешел в католичество, стал монахом и покоем в Риме.

После свадьбы Дмитрий ввел жену в свой круг, познакомил с Брюсовым, Гумилевым и Ахматовой, с которыми соседствовал по имению. Елизавета стала участницей сред на «башне» Вяч. Иванова, активным членом «Цеха поэтов». В 1912 году вышел ее первый сборник «Скифские черепки», построенный как исповедь скифской царевны, оплакивающей гибель своего царства.

Где-то там, за десятым курганом,
Стальные клинки взнесены;
Вы сразились с чужим караваном, —
Я да идол — одни спасены.
Я испила прозрачную воду,
Я бросала лицо в водоем...
Недоступна чужому народу
Степь, где с Богом в веках мы вдвоем.

Впервые было сформулировано ее последующее жизненное кредо — преодоление трагического одиночества в слиянии с Богом.

Критика откликнулась на дебют очень активно. Надежда Львова поставила Кузьмину-Караваеву в один ряд с Цветаевой, а Владислав Ходасевич отметил: «...умело написана книга г-жи К.-К.».

Высоко оценил сборник сдержанный на похвалы Валерий Брюсов: «Умело и красиво сделаны интересно задуманные “Скифские черепки” госпожи Кузьминой-Караваевой. Сочетание воспоминаний о “предсуществовании” в древней Скифии и впечатлений современности придает этим стихам особую остроту».

Следующий сборник, «Руфь», вышел четыре года спустя, в 1916 году. Этот сборник особенно важен для понимания дальнейшей судьбы поэтессы. Здесь явно слышно предчувствие своей судьбы, скитаний и странничества.

Я в путь пойду, и мерной чередой
Потянутся поля, людские лица,
И облаков закатных вереница,
И корабли над дремлющей водой.
Чужой мне снова будет горек хлеб,
Не утолит вода чужая жажды...

Германская война, революция разрушили привычный мир: «исчезла горизонта полоса». Но Елизавета Юрьевна не стремилась склеивать черепки обрушенной жизни. Ее душа к грядущему готова. С радостью, жаждой обновления встретила Кузьмина-Караваева Февральскую революцию. Октябрьская революция застала ее в Анапе, где она продолжала дело отца — занималась виноделием. Растила дочь. С мужем рассталась.

В феврале 1918 года Елизавета Юрьевна — комиссар по делам культуры и здравоохранения, виноградники отданы казакам-хуторянам. Летом того же года она уезжает в Москву на съезд эсеров, а когда осенью возвращается в Анапу, ее арестовывают.

В 1919 году за сотрудничество с большевиками Кузьмина-Караваева была предана военно-полевому суду Белой армии. От смертной казни спасло письмо в ее защиту, подписанное А. Толстым, М. Волошиным, Н. Тэффи и опубликованное в Одессе. Но похоже, что решающую роль в этой истории сыграл член кубанского правительства Д.Е. Скобцов-Кондратьев. Видный казачий деятель влюбился в арестованную петербургскую поэтессу. Это и спасло ей жизнь.

В 1919 году вместе со Скобцовым, за которого она вышла замуж, Елизавета Юрьевна эмигрирует: вначале в Югославию, а затем во Францию, в Париж. Здесь она поступает вольнослушательницей в православный богословский институт, ректором которого был философ отец Сергей Булгаков, ставший ее духовным отцом. В эти годы Скобцова пишет философские труды «Достоевский и современность», «Миросозерцание Вл. Соловьева», воспоминания о Блоке, известие о смерти которого пережила очень тяжело.

В 1932 году умирает ее младшая дочь Настя. Это, считают биографы, послужило толчком для принятия важного решения: постричься в монахини. Но она осталась в миру: «она нашла для души своей соразмерную форму». Это уже потом ее путем последуют мать Тереза и другие женщины, у которых

Самое вместительное в мире сердце.
Всех людей усыновило сердце.
Понесло все тяжести и гири милых.
Господи, там в самой сердцевине нежность.
В самой сердцевине к милым детям нежность.
Подарила мне покров свой синий Матерь,
Чтоб была и я на свете Матерь.

1931

В 1936 году судьба послала ей новое испытание – умерла старшая дочь. Близких поразила реакция матери Марии на это горе: ни слез, ни оцепенения души. Только сожаление, что «сердце мира не вмещает». После смерти дочери она вся без остатка отдалась работе.

Вместе с друзьями-философами, среди которых Н. Бердяев, отец С. Булгаков, Г. Федотов, мать Мария основала объединение «Православное дело». На улице Лурмель, 77, она устроила женское общежитие и дешевую столовую, для которой с рынка приносила продукты (монахине делали скидку).

Мать Мария сама вела хозяйство, мыла полы, клеила обои, набивала тюфяки. А вечерами расписывала и вышивала иконы. Устраивала диспуты. Писала стихи. На удивление друзей, как она все успевает, откуда черпает силы, отвечала: «У меня к ним отношение такое – спеленать и убаюкать – материнское». Люди это чувствовали и стали называть ее просто – Мать: «Мать сказала», «Мать просила»...

Война вновь разрушила жизнь. Первый порыв – ехать в Россию, помочь. Разум остановил – не доедет даже до границы. И ее общежитие становится убежищем для всех, кто спасался от нацистов, прежде всего для военнопленных и евреев. В Иерусалиме на алее Праведников мира есть дерево-памятник матери Марии.

После оккупации Парижа нацистами она предоставляла убежище, делала документы преследуемым евреям. На приказ нацистов об обязанности носить желтую звезду Давида она откликнулась стихотворением, которое ходило в Париже по рукам:

Два треугольника, звезда,
Щит праотца, царя Давида, —

Избрание, а не обида,
Великий путь, а не беда.

...

И пусть же ты, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научишься душою вольной
На знак неволи отвечать.

Активная антифашистская деятельность Кузьминой-Караваевой вызывала раздражение церковных иерархов, что уж говорить о простых обывателях, которые обвиняли ее в том, что она обрекла на смерть своего сына. Юрию было 23 года, когда его и священника Клепинина нацисты взяли заложниками, правильно рассчитав, что мать не оставит своего ребенка. Это было 9 февраля 1943 года. Мать Мария тут же вернулась в Париж. Ее посадили в крепость в Романвиле, затем перевели в Компьенский концлагерь. Она не узнала о гибели сына...

Последние два года мать Мария провела в концлагере Равенсбрюк. Оставшиеся в живых вспоминают эту негибаемую женщину, которая свой кусок отдавала слабым.

Приближался конец войны. Наступила весна. Природа ожила, сердца людей переполняла надежда. Но торопились нацисты замести следы, уничтожить заключенных. 31 марта 1945 года, в Страстную пятницу, закончила свой земной путь мать Мария. Она, гласит молва, шагнула в печь вместо молодой девушки. А нам оставила завещание:

У каждого имя и отчество
И сроки рожденья и смерти.
О каждом Господне пророчество:
Будьте внимательны, верьте.

Елизавета Юрьевна бесконечно любила Россию. Она мечтала после войны вернуться на родину: «Я поеду после войны в Россию – нужно работать там, как в первые века христианства...»

В наших с вами силах сделать так, чтобы ее возвращение состоялось. Знанием о ней. Памятью о ней. Читайте ее стихи. Они непросты, требуют погружения, требуют участия души и сердца, ибо ее стихи – внутренние монологи о жизни, смерти, добре и зле. Стихи-предостережение. Стихи-напутствие.

«Надо уметь ходить по водам», – говорила мать Мария. Надо все время верить: «Мгновение безверия – и начнешь тонуть».

Дневник княжны (княжна Мария Васильчикова)

История знает много дневников, которые стали литературной сенсацией, среди них дневники Анны Франк, Марии Башкирцевой. Трагическая летопись трагической жизни. А сейчас перед нами «Берлинский дневник» княжны Марии Васильчиковой, вышедший под редакцией ее брата князя Георгия Илларионовича Васильчикова.

Княжна Мария Илларионовна Васильчикова родилась 11 января 1917 года. Род Васильчиковых – старинный дворянский род, давший России дипломатов, военачальников, государственных деятелей. Отец Марии – князь Илларион Сергеевич Васильчиков – был членом Государственной думы, мать, Лидия Леонидовна, – урожденная княжна Вяземская.

Весной 1919 года семья навсегда покинула Россию, переезжая из Германии во Францию, оттуда – в Литву. Княжна Мария, или Мисси, росла в типичной эмигрантской обстановке.

Получив хорошее воспитание, прекрасное образование, Мисси с большим уважением относилась к культуре стран своего вынужденного пребывания. Но по-прежнему оставалась русской, или, как говорили, «постоянно подвергалась влиянию той русскости, проявление которой даже у тех, кто родился и вырос в эмиграции, так поражает многих». Она молилась в русской церкви, она хранила свою русскую душу. Круг ее близких – соотечественники, ее язык – русский. И как многие русские барышни, она вела дневник. Это помогало Мисси переживать события, свидетелем которых она стала. И в первую очередь это касается неудачного покушения на Гитлера, известного как «заговор 20 июля 1944 года».

Вторая мировая война застала Васильчиковых в Литве. Передел Европы, ввод советских войск в Прибалтику вынудили их спешно уехать в Берлин. Массовая безработица 1940 года была трудным испытанием для русских эмигрантов, но Мисси устраивается на службу в бюро радиовещания. Работники этого бюро имели доступ к иностранной информации, тщательно фильтруемой для населения рейха.

Итак, княжна среди наиболее информированных людей... Затем она переходит в информационный отдел МИД. Здесь она сближается с небольшой группой интеллектуалов, убежденных противников нацизма. Она активно участвует в антигитлеровском Сопротивлении: уцелевшие от репрессий продолжали борьбу. Мисси среди них. О подробностях этих событий мы узнаем из дневника княжны.

Война, особенно после нападения Гитлера на СССР, вытеснила частную жизнь. Страх стал постоянным спутником жизни: «...хотя теоретически, – пишет Мисси, – я полностью смирилась с возможностью погибнуть под бомбами, но стоит только начаться гулу бомбардировщиков и грохоту разрывов, как меня физически парализует страх, и с каждым налетом этот страх делается, похоже, все сильнее».

Но страх не парализовал волю. Он как будто стимулировал энергию борьбы. Заставлял быть предусмотрительней, осторожней. Мисси пишет дневник на английском языке, листы его хранит среди служебных документов. Часть материалов прячет у самых верных знакомых. И теперь, читая эти страницы, становишься свидетелем трагической судьбы немецкого Сопротивления.

«Чудом уцелевшая хроника Мисси, – пишет князь Васильчиков, – с ее тщательным описанием день за днем, а иногда час за часом безуспешной попытки графа фон Штауфенберга убить Гитлера и свергнуть его режим и последовавшей за провалом оргии террора, во время которой погибло много ее близких друзей и соратников, является чуть ли не единственным известным нам очным свидетельством этих страшных недель».

Последние месяцы войны Мисси, вырвавшись из Берлина, проводит в Вене, работает медсестрой в госпитале союзников. Отсюда она эвакуировалась в Тироль, где и встретила окончание войны. Спустя год Мисси вышла замуж за американского офицера П. Харндена, ставшего впоследствии известным архитектором. Живет в Испании, во Франции. После смерти мужа в 1971 году переезжает в Лондон.

Княжна Мария Илларионовна Васильчикова скончалась в Лондоне в 1978 году от лейкемии. Незадолго до смерти под давлением семьи она начала готовить к печати свой дневник. Первое его издание вышло в Англии в 1984 году, а к 1990 году он был переведен на восемь языков. В США «Дневник» стал обязательным чтением на исторических факультетах нескольких наиболее известных университетов. В России отрывки из дневника в 1991 году опубликовал журнал «Наше наследие».

Чем объясняется эта популярность? Послушаем брата Марии Илларионовны. В 1992 году он дал интервью газете «Россия»:

«Ведь Мисси впервые подробно описала не просто историю немецкого Сопротивления, а самих сопротивленцев – тех людей, кто жертвовал собой во имя элементарной порядочности... Их волновала человечность. Ее дневник является своего рода евангелием порядочности, чело-

веческим протестом беспардонному, безжалостному, аморфному и хамскому тоталитаризму. Вот как были в свое время рыцарские ордена, так и Мисси принадлежала к ордену Порядочных людей».

Исступленная «душечка» (Магда Геббельс)

Ее называли «спутницей дьявола». Магда Геббельс. О ней говорить очень сложно, но она была. Она не может вызывать симпатий, но это одна из граней портрета женщины XX века.

После Первой мировой войны женщины Германии очень быстро эмансипировались. Их уже не устраивала триада Kirche, Kuche, Kinder. Они больше не доверяли обществу мужчинам. Женщины проводят дамские автогонки, устраивают соревнования летчиц-спортсменов. Среди них не редкость дипломированные ученые, инженеры. Лучшим политическим агитатором становится Карин Геринг. Особую роль в Германии сыграла первая дама Третьего рейха Магда Геббельс. В ней удивительным образом сочетались черты обыкновенной «душечки» и исступленного фанатизма. Простите за тавтологию, ибо fanaticus и есть исступление.

Магда Беренд (по документам Ричель, по отчиму Фридлендер) родилась 11 ноября 1901 года. После развода с доктором Ричелем ее мать выходит замуж за владельца кожевенного завода Фридлендера. Магда еще не знакома с антисемитизмом, она очень любит своего отчима-еврея. И в то же время ощущает духовную близость с отцом, большим поклонником буддизма, сторонником философии ненасилия.

В 1919 году Магда получила аттестат зрелости. Она очень красива, эта белокурая арийка, но еще не осознает силу своей природы. Не плоть, а дух определяет выбор ее первого мужчины. Им становится тридцативосьмилетний Гюнтер Квандт, миллионер, хозяин экономической империи. Девушку увлекли его изящная внешность, хорошие манеры, умение поддержать оживленный разговор. Но девушка ошиблась в выборе. На проверку Квандт оказался человеком консервативных взглядов, лишенным чувства юмора. Марта заскучала, но было уже поздно: родился сын, она хозяйка дома. Молодую женщину это, однако, не устраивает, и она ищет развлечений.

На пути Марты Квандт встретился сионист Хаим Арлозоров, русский еврей, внук раввина. У нее нет предрассудков, ведь ее любимый отчим – еврей. Более того, она с сочувствием относится к идее создания государства Израиль. Вскоре отношения становятся интимно-страстными. Как покажет жизнь, эта белокурая арийка очень страстная дама. Муж (увы, не он разбудил ее инстинкты), узнав о связи жены с евреем (!), отреагировал жестко: выгнал женщину без пфеннинга, запретив общение с сыном. Однако он просчитался. Магда располагала компрометирующими его письмами. Гюнтер Квандт стал более лояльным, дал развод, и Магда вновь богата, свободна, сын с ней. Все устроилось, но покой – не то, что ей нужно. Буря – ее стихия.

Однажды из любопытства Магда пришла на партийный митинг нацистов. В тот вечер выступал доктор Йозеф Геббельс. Небольшого роста тщедушный человечек, которого в народе за его уродливую внешность прозвали «сморщенным германцем». Но он умел зажечь толпу, был великолепным оратором.

Магда знакомится с Геббельсом. «Национал-социалистическая среда Берлина, погруженного в атмосферу фанатизма, жестокости и истерии, – пишет Анна Мария Зигмунд, – произвела на утонченную Магду колдовское темное впечатление». Нельзя не согласиться с биографом, что речь эта, очевидно, подняла со дна подсознания женщины те чувства, которые бы никогда не проявились в спокойном, светлом состоянии. Жизнь Магды вступает в резкое противоречие с тем мировоззрением, которое ее так притягивает в нацизме. Ее любимый отчим – еврей, ее возлюбленный – еврей. И в то же время – зоологический антисемитизм Геббельса

и его окружения. Не всякая нервная система справится с подобным испытанием. Марта справилась. Трудно сказать, как дался ей ее выбор, но она его сделала – стала неистовой наци. И в этом выборе не последнюю роль сыграл Гитлер.

Их знакомство произошло в апреле 1931 года. Магда полностью отдалась во власть своего нового идола. Выйдя 19 декабря 1931 года замуж за Геббельса, она, по сути дела, вышла замуж за идею. В этом браке родилось шестеро детей.

Чем страшны фанатики? Искренностью, пламенной страстью уничтожить мир, в котором они живут, ради ими же придуманного нового мира. Фанатик не в состоянии изменить свои взгляды, скорее он уничтожит то, чего не понимает. Уничтожит себя, своих детей.

Когда крах фашизма стал очевиден и неизбежен, когда руководители рейха решили покончить жизнь самоубийством, чтобы уйти от суда человечества, встал вопрос о детях. Напрасно обслуживающий персонал, которому разрешили покинуть бункер, просил мать отдать им детей. Магда Геббельс была непреклонна. Страшно читать ее письмо старшему сыну от первого брака, находящемуся на Восточном фронте: «Наша прекрасная идея гибнет... Мне не дорог мир, который придет после фюрера и национал-социализма, в нем не стоит жить, еще и поэтому я забрала с собой детей. Их слишком жалко оставлять для грядущей после нас жизни...» Они погибли 1 мая 1945 года. Младшему ребенку было пять лет.

Русская француженка (Анна Марли)

Каждый год в день Победы мы вспоминаем о великом противостоянии Добра Злу. Среди тех, кто отдал свои силы, а часто и жизни во имя Победы, много наших соотечественников, оказавшихся за пределами Родины. По разным причинам. И если имена матери Марии, княжны Марии Васильчиковой у нас на слуху, то Анну Марли знает очень узкий круг.

«Наша Анна!» – говорят о ней французы и называют ее, кавалера ордена Почетного Легиона, своей национальной героиней. В июне 2000 года, в день шестидесятилетия обращения генерала де Голля к нации, она посетила Париж по личному приглашению президента Жака Ширака. В присутствии президента и тысяч парижан ее удостоили высших воинских почестей и права зажечь огонь у могилы Неизвестного солдата под Триумфальной аркой. Анна Марли, русская француженка Анна Юрьевна Бетулинская, стала второй женщиной, которой доверили эту честь, – первой была английская королева Елизавета.

Русская женщина, трубадур Франции. Мы ничего не знаем о ней. Трудно не согласиться с писателем Валентином Распутиным, который, познакомившись с Анной Марли, сказал:

«Никакой фантаст, никакой сочинитель не придумает ничего трагичней и фантазмагоричней. И в то же время – красивей. Одно лишь простое изложение событий и поворотов этой жизни способно вызвать в человеке многие чувства: удивления, радости и сопереживания».

Так позвольте мне сделать это «простое изложение событий» в надежде на ваше сопереживание.

«Для Анны Юрьевны, – говорит литературный критик Вячеслав Завалишин, – характерно одно высокое достоинство: Анна Марли пишет по-французски, а переживает и чувствует по-русски. Если бы это было сказано о человеке XIX века, никто бы не удивился. Да, дворяне были такие – “русско-французские”. Но речь идет о нашей современнице, нашей соотечественнице, которая, в сущности, не знает России. В настоящее время Анна Юрьевна живет в Ричфилд-Спрингсе на Аляске. Но живет с Россией в сердце. Так ее воспитали русская мама и русская няня».

Анна Бетулинская родилась в Петрограде в старинной дворянской семье 17 (30) октября 1917 года, за восемь дней до событий, перевернувших ход истории.

На фамильном древе ее отца, Юрия Андреевича Бетулинского, – поэт Михаил Лермонтов, атаман Матвей Платов, министр-реформатор Петр Столыпин, философ Николай Бердяев.

Со стороны мамы, Марии Михайловны, – Алфераки, приехавшие из Греции в Таганрог в 1763 году по приглашению императрицы Екатерины II. Ее отец, Михаил Николаевич Алфераки, – камергер императорского двора Николая II, прекрасный художник и скрипач.

Отец Анны Юрий Андреевич Бетулинский, выпускник французского Дипломатического корпуса, служивший в Сенате, был в 1918 году расстрелян. Вдова с двумя детьми и няней спешно покидает Россию: бежит через Финляндию за границу. Начинаются долгие годы эмигрантских скитаний. Осели во Франции, в Ментоне, на границе с Италией. Мама давала уроки, няня стирала и убиралась в соседних домах.

В одном из таких домов жил композитор Сергей Прокофьев. Анну няня иногда брала с собой. Когда композитор играл, девочка подкрадывалась к роялю и зачарованно слушала. Сергей Сергеевич заинтересовался ею, а когда понял, что Анна музыкально одарена, дал ей несколько уроков гармонии и композиции. Согласитесь, то был воистину дар богов.

Надо сказать, что Анне Юрьевне очень везло на окружение. Матильда Кшесинская и Юлия Седова вводят ее в мир балета. Юная Анна участвует в турне с «Русским балетом Парижа». А в 1937 году она стала победительницей конкурса красоты «Мисс Россия»! А судьи кто?! Серж Лифарь, художник Константин Коровин, писательница Надежда Тэффи!..

В 1935 году семья переехала в Париж и поселилась в предместье Медон. Там была большая русская колония. Достаточно сказать, что в Медоне жила Марина Цветаева. Любителям старины напомним, что один из кварталов Медона возник на месте чудесного парка, окружавшего дворец мадам де Помпадур. А Виктор Гюго писал о Медоне своей юности:

Старый кедр там тянет пушистую ветвь свою, Украшая дворцовый портал. «А медонским кюре, – сообщает он мне, – Был здесь в прошлые годы Рабле».

И, конечно, не следует забывать, что в Медоне жил последние годы великий Роден.

В такое романтическое место приехала девятнадцатилетняя Анна Бетулинская. Не удивлюсь, если и эти места вдохновили ее поэтическое творчество. Все началось в ночь под Рождество – няня подарила любимой девочке гитару. Анна Юрьевна хранила ее всю жизнь. Конечно, первые аккорды – цыганские напевы, но потом... Потом Анна пишет собственные стихи, делает музыкальные композиции. Она уходит из балета и начинает выступать на эстраде – в кабаре «Шехерезада», оформленном в стиле «Тысячи и одной ночи».

Первый успех. Художник Борис Пастухов пишет ее портрет. Анна становится известной. Она проходит по конкурсу в «Общество композиторов и авторов». Тогда она и берет псевдоним – Анна Марли. Сам Морис Шевалье просит написать для него песни. Так случай – подарок няни – определил ее творческую судьбу. Не зря говорят: случай – это бог.

Талант, молодость, красота, успех... Все оборвалось разом – война!.

Анна Марли в Лондоне. Она примыкает к движению Шарля де Голля, выступает в радиопрограмме «Французы говорят с французами» со своими новыми песнями: «Мужество», «Весна Победы», «Франция», «Париж снова будет нашим». В каждом слове, в каждом ритме – призыв сражаться за свободу, сопротивляться врагу:

Негодяев, убийц мы изгоним навек,
Из грязных лап вырвем столицу,
Мы молоды, сильны
И все, как один человек,
Воздадим честь Парижу сторицей!

(Пер. Ю. Зубрицкого)

Анна Марли исколесила всю Англию, выступала на аэродромах, военно-морских базах, в воинских частях. «Свой талант она превратила в оружие для Франции», – скажет позднее Шарль де Голль.

И вдруг весть о нападении Германии на Россию: «Все русское всколыхнулось во мне», – вспоминала Анна Юрьевна. А однажды, это было в 1942 году, она прочитала в газете о боях под Смоленском. «И одним порывом, как крик сердца, во мне рождается однозвучная, пронизывающая мелодия-марш, – читаем мы в ее книге “Певец Свободы”. – Тут, наверное, проснулся во мне русский патриотизм, забушевала моя русская кровь. Я взяла гитару, думая о смоленских партизанах, начала наигрывать на закрытых струнах звуки шагов, и одновременно пошли русские слова:

От леса до леса дорога идет вдоль обрыва,
А там высоко где-то месяц плывет торопливо...

А уже время мне идти на сцену. Выхожу, выполняю свою программу, напоследок решаю спеть новую песню, только что сочиненную, теплую еще. Кратко излагаю, о чем она, и пою. Когда закончила – полная тишина, долгая... И вдруг – шквал аплодисментов!»

Этот марш записали на «Би-Би-Си» и назвали «Герилья сонг», а через некоторое время он стал позывным французской радиостанции «Честь и родина». Французские слова этой песни написали Жозеф Кассель и Морис Дрюон, тогда молодые корреспонденты. Так родилась «Песнь партизан», ставшая гимном Сопротивления. Вдумайтесь только, русская женщина – автор гимна, поднимающего Францию на борьбу за свободу! Этот гимн был так же значим для французов, как их любимая «Марсельеза».

30 октября 1989 года мэр города Медона Анри Вольф на торжестве по случаю вручения Анне Марли золотой медали сказал: «Мы слышали много раз на торжественных церемониях Вашу “Песнь партизан”, и никто никогда не мог остаться равнодушным к ней... Вы внесли в нее самый необходимый импульс, и весь мир восхищается то, что она несет...

Позвольте выразить Вам, насколько мы счастливы и горды, что Вы были среди тех, кто рядом с генералом де Голлем в том далеком и трудном марше сделал самое необходимое для страны. С радостью вручаю Вам эту золотую медаль, подчеркивая, что если некоторые имели привилегию жить в то историческое время, то Вы олицетворяете это время». Увы, в России, которая и дала Анне этот «самый необходимый импульс», ничего не знали о ней.

Закончилась война. Песни Сопротивления отошли в историю. Начался новый этап жизни. Анна Юрьевна вышла замуж. Ее муж – Юрий Александрович Смирнов, ученый. Он прожил 52 года. «С каждым годом я люблю тебя больше и больше», – написал он Анне за два года до смерти.

Творческая жизнь Анны Смирновой-Марли продолжалась. Ее перу принадлежит книга французских поэмов «Мессидор» (название «месяца жатвы» – А.Б.). Она выпустила сборник басен, написала несколько сценариев, музыку к фильмам. Ей принадлежат свыше трехсот песен на пяти языках. Марли гастролировала по Европе, Африке, Южной Америке, США. Создала Театр песен в Буэнос-Айресе, а в США – ансамбль негритянских ребят.

Долгое время супруги жили во Флориде, а потом переселились на север США, близ Джордан-Вилла, где есть православный монастырь. «С годами во мне все больше усиливалось тяготение ко всему русскому, – объяснила Анна Юрьевна. – Сегодня я чувствую себя русской».

Анна Юрьевна написала воспоминания. Одна из ее книг, «Дорога домой», в 2004 году вышла в Москве, а в январе 2005 года в доме «Русское зарубежье» состоялась презентация. Это было бы невозможно без титанических усилий целого коллектива единомышленников, объединенных другом Марли, журналисткой радиостанции «Голос России» в Москве Ассией

Хайретдиновой. Поэтому в заключение приведем отрывок из ее письма Анне Марли от 30 января 2004 года:

«Дорогая Анна Юрьевна! Трудно передать словами испытанные мной минуты волнения во время исполнения Ваших произведений – “Песни партизан” и “Гимна новой России”... Впервые в России! В чудесно возрожденном храме Христа Спасителя!.. Хор пел вдохновенно, на большом подъеме и вызвал бурные овации... От всего сердца поздравляю Вас, Анна Юрьевна, с исполнением Вашей мечты – Ваши песни прозвучали в России! И будут звучать!»

Возвращение в Россию состоялось.

Век Симоны Вейль

В 1991 году журналист Леонид Млечин писал: «Жизнь и смерть одной страстотерпицы, чье имя – Симона Вейль, еще мало что говорит советскому читателю. Но знакомство должно состояться». Прошли годы, а «парижская девственница» по-прежнему малоизвестна нам. Так давайте попробуем познакомиться еще раз.

Вы спросите: а почему мы ее вспоминаем? Кто она? Философ, анархистка, мученица, святая? Ее подруга, французская писательница Симона де Бовуар, вспоминает: «Вейль меня интересовала, так как имела репутацию человека большого ума и необычной наружности. В Китае разразился голод, и мне рассказывали, что Симона Вейль расплакалась. Эти слезы внушили мне больше уважения, чем ее способности в области философии». Симона обладала удивительным качеством – пропускать сквозь свое сердце страдания человечества.

Симона Вейль окончила одно из престижных учебных заведений Франции – Высшую нормальную школу. После экзаменов она преподает в школах для детей рабочих, организует бесплатные обеды для безработных. Она мечтает о революции, которая накормит всех, а на возражения отвечает просто: «Видно, вы никогда не испытывали голода». Симона знакомится с учением Карла Маркса, но скоро в нем разочаровывается:

«Вера в то, что можно повернуть колесо истории в другом направлении, изменив режим путем реформ или революций, – это лишь сон наяву...»

Еще большее разочарование в идее революции принесла поездка в республиканскую Испанию: «Человеческая жизнь ничего не стоит...» В 1938 году Симона провела десять дней в монастыре, была на богослужениях:

«Меня одолевала страшная головная боль, каждый звук был мучителен, как удар. Но предельная концентрация внимания позволила мне покинуть мою жалкую плоть, оставив ее одну страдать, скрючившись в уголке, и вознестись к чистой совершенной радости... Нужно ли говорить, что во время этих богослужений я постигла страдания Иисуса Христа. И это осталось во мне навсегда». Жизнью своей она доказала это.

14 июня 1940 года немцы вошли в Париж. Фашистская полиция, сотрудничавшая с гестапо, арестовала Симону. Однако ее скоро отпустили. Родственники стараются увезти ее в Нью-Йорк, однако Симона едет в Англию, где работает на вооруженные силы «Свободной Франции» де Голля. Она просит, чтобы ее направили во Францию в отряды Сопротивления, учиться прыгать с парашютом. Но у командиров в штабе де Голля не хватило духу сказать ей «да». Они не поняли, что этим самым усиливали ее нравственные мучения. Эта женщина страдала, что не может помочь своим соотечественникам. И тогда она отказывается от еды. Симона считает, что не имеет права есть больше, чем французы, получающие продовольственные карточки.

24 августа 1943 года Симона Вейль умерла. В свидетельстве о смерти написано: «Причина смерти – остановка сердца вследствие голода и туберкулеза легких. Покойная убила себя, отказываясь от еды». Симоне было 34 года.

С точки зрения обывателя и ее жизнь, и ее смерть – нелепы. Жизнь в аскезе. Если любовь и боль за людей – признак сумасшествия, то это святое сумасшествие.

Журнал «Новый мир» в 1990 году опубликовал переводы из религиозно-философского наследия Симоны Вейль. Во вступительном слове к ее статье «“Илиада”, или “Поэма о силе”» Сергей Аверинцев написал: «XXI век будет в некоем существенном смысле также и веком Симоны Вейль».

Пусть сбудется. И пусть последующие поколения услышат призыв Симоны «отвергать обаяние Силы».

Истерзанная душа Анны Барковой

Современница Марины Цветаевой и Анны Ахматовой. В 1922 году Анатолий Луначарский писал ей: «...Я вполне допускаю мысль, что вы сделаетесь лучшей советской поэтессой за все пройденное время русской литературы».

Увы, «неизвестной поэтессой» назвал ее биограф Леонид Таганов. А сама Анна Александровна с болью писала:

Вы, наверно, меня не слыхали
Или, может быть, не расслышали.
Говорю на коротком дыханье,
Полузадушенная, осипшая.

Не захотели расслышать ее голос составители различных литературных библиографических справочников и энциклопедий, не включили ее в свои персоналии. Тихо отметила литературная общественность и столетие со дня рождения поэтессы, которую Михаил Дудин назвал русской Жанной д'Арк, пришедшей к вершинам своей поэзии через страдания и веру в справедливость.

Анна Александровна Баркова родилась в городе Иванове 16 июля 1901 года в семье сторожа гимназии. Потом она напишет:

Что в крови прижилось, то не минется.
Я и в нежности очень груба.
Воспитала меня в провинции
В три окошечка мутных изба.

А вот какой ее запомнила одна из соучениц: «Огненно-красная, со слегка выющимися волосами, длинная коса, серьезные, с пронзительным взглядом глаза...».

В 1922 году в Петрограде вышел первый (и единственный!) поэтический сборник Барковой – «Женщина». С надеждой и сочувствием встретили ее приход в литературу Александр Блок и Валерий Брюсов. Ее стихи включили в знаменитую антологию русской поэзии XX века. Революционно-пролеткультовские поэты относились к Барковой неприязненно: «...все обвинения свалились на мою голову: мистицизм, эстетизм, индивидуализм... В защиту мою выступил только Пастернак».

Не простили ей увлечение Эдгаром По и Оскаром Уайльдом, не простили, что скоро развеялись ее романтические иллюзии. В стихах появляется трагическое предчувствие будущего:

Все вижу призрачный и душный
И длинный коридор.
И ряд винтовок равнодушных,

Направленных в упор.

Это написано в 1931 году. А вот чуть позже:

Боги жаждут... Будем терпеливо
Ждать, пока насытятся они.
Беспощадно топчут ветви сливы
Красные до крови наши дни.

Пир богов был в самом разгаре. 25 декабря 1934 года Анна Баркова получила свой первый срок. Крестный путь начался...

Спустя пять лет, в 1939 году, ее освободили. На целых восемь лет. Анна Александровна поселилась в Калуге, здесь она пережила войну, встретила Победу. А 27 ноября 1947 года ее арестовали во второй раз: «Опять казарменное платье». Воркута, поселок Абезь – там она встретила философа Карсавина, египтолога Коростовцева...

Трагические пятидесятые стали расцветом поэтического творчества Анны Барковой. Ее стихи изустно передавались на этапах, в тюрьмах и лагерях. «Великий ад», о котором поэтесса писала еще в 1935 году в Калуге, объял всю страну, превратив ее в «загон для человеческой скотины». «Самое мучительное в поэзии Барковой, – пишет Таганов, – это сознание того, что страшный опыт ее жизни, равно как и опыт тысяч других, не в силах изменить окружающего».

Ее освободили в январе 1956 года. Реабилитировали. Казалось бы, все. Но нет, предчувствие не обмануло:

Восемь лет, как один годочек,
Исправлялась я, мой дружок.
А теперь гадать бесполезно,
Что во мгле – подъем или бездна.

Опять – бездна. Третий срок. За стихи. И это в пору весенней оттепели шестидесятых, о которой мы так любим вспоминать. Только заступничество Твардовского помогло ее освобождению в 1966-м и полной реабилитации.

Анна Александровна умирала долго и мучительно. В больнице к ней относились удивительно сердечно и тепло. Но с ней, пишет Таганов, случилось то, что случилось со многими побывавшими там, где она провела двадцать лет жизни. Ей казалось, что за ней следят в глазок; ей слышались голоса друзей, которых допрашивали за стеной... Однажды она, спускаясь с лестницы, упала. Она объясняла потом врачам, что хотела догнать партию, от которой отстала...

Крестный путь, ее ад кончился 29 апреля 1976 года:

Домчалась. Пала у ворот,
Распахнутых в Эдем...

Успокоилась ли ее истерзанная душа?..

Русская Сафо (София Парнок)

Молодость моего поколения пришлась на то ханжеско-пуританское время, о котором одна из современниц справедливо сказала: «В СССР секса нет». Как ее только не высмеивали,

а зря. Ведь секс предполагает свободу, фантазию. О какой фантазии тогда могла идти речь... Я бы сказала, то было скорее утоление жажды, быстрое, порой неумелое.

И уж тем более в конце 50-х – начале 60-х годов мы не слышали и не знали слов «гей», «лесбиянка». Конечно, вольный воздух Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году принес ароматы загнивающего Запада. Но то было не знание, а слухи, намеки.

Нам, филологам, было полегче. Мы читали «Монахиню» Дидро, «Смятение чувств» Стефана Цвейга. Мы прикасались к тем потаенным глубинам человеческой психики, которые пугали и влекли, завораживали, формировали наше отношение к этим необычным проявлениям человеческих чувств, наше если не сострадание, то сочувствие к переживаемым ими трагедиям. Из глубины веков доносился голос великой Сафо, взывающий к сочувствию и пониманию этих отверженных: «Смертным не дано соперничать с любовью».

Поэтесса Сапфо, или, как привычнее нам, Сафо. Платон называл ее десятой музой:

Девять лишь муз называя,
Мы Сапфо наносим обиду;
Разве мы в ней не должны
Музу десятую чтить?

Последующая история ответила: «ДА!»

Прошли тысячелетия, а муза Сафо жива среди тех,

Кто был ей верен многие века,
Кто звал ее вселиться в облака...

(Игорь Северянин)

От ее сочинений до нас дошло всего несколько стихотворений, однако их влияние на последующую литературу столь велико, что мы не могли не вспомнить о ней, прежде чем начать рассказ о нашей героине. Сафо предчувствовала свою дальнейшую судьбу: «Вспомнит со временем кто-нибудь, верь, и нас!» И вот уже два тысячелетия витает дух Сафо над грешною землей, зовет к любви, в трагический узел завязывая отношения людей.

«Соня меня очень любит, и я ее очень люблю – это вечно», – напишет о Парнок Марина Цветаева. А потом с сомнением: «Есть имена как душистые цветы...» И ей же: «Твоя душа мне встала поперек души...»

Они познакомились в доме Наталии Крандиевской (по другой версии – у Максимилиана Волошина) в 1914 году. Марине 22 года, Парнок – 29. Они очень разные. Марина девственно хороша. «Цветком, поднятым над плечами, ее золотоволосая голова, пушистая, с вьющимися у висков струйками легких кудрей, с густым блеском над бровями подрезанных, как у детей, волос, – такой помнит ее младшая сестра Анастасия. – Ясная зелень ее глаз, затуманенная близоруким взглядом, застенчиво уклоняющимся, имеет в себе что-то колдовское. Ее женское только сквозит, только реет...»

София, напротив, не была хороша собой. «Но было что-то обаятельное и необыкновенно благородное в ее серых выпуклых глазах, смотрящих пристально, в ее тяжеловатом, “лермонтовском” взгляде, в повороте головы, слегка надменном, в незвучном, но мягком, довольно низком голосе, – писал Владислав Ходасевич. – Ее суждения были независимы, разговор прям».

Цветаева тоже оставила ее портрет:

Есть женщины. – Их волосы, как шлем.
Их веер пахнет гибельно и тонко,
Им тридцать лет. – Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?!

Зачем, зачем?! Этот вопрос переадресуем Марине. Зачем ей, жене и матери, этот «гибельный грех»? Что заставило ее воскликнуть:

Сердце сразу сказало: «Милая!»
Все тебе – наугад – простила я,
Ничего не зная, – даже имени!
О, люби меня, о, люби меня!

Попытаемся сами ответить на этот вопрос, хотя вряд ли это под силу даже Фрейдю. Марина рано потеряла мать. Это была для нее незаживающая рана. Майя Кудашева-Роллан считает, что у нее еще с детства заметно тяготение к женщинам. Поиск матери? Может быть, в стихах найдем ответ:

В оны дни ты мне была как мать,
Я в ночи тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный,
Свет очей моих в ночи оны.

(По книге Джейн Таубман)

Да и Парнок вторит ей:

«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою»
Ах, одностишья стрелой Сафо пронзила меня.
Ночью задумалась я над кудрявой головкою,
Нежностью матери страсть в бешеном сердце сменя...

Возможно, была и другие причины, но оставим исследовать их цветаеведам, а наш рассказ о Софии Парнок.

Как и следовало ожидать, любовь-грех закончилась разрывом: «Благословляю вас на все четыре стороны» (Марина Цветаева).

Жизнь разметала подруг по разным сторонам и странам. У обеих она была нелегкой. Что почувствовала Марина Ивановна, узнав о смерти Парнок? На этот вопрос она ответила в «Письмах к Амазонке»: «...И однажды та, что была некогда младшей, узнает, что где-то, на другом конце той же земли, умерла старшая. Сперва она захочет написать, чтобы убедиться. Желание останется желанием... Зачем, ведь она умерла? Ведь я тоже умру когда-нибудь... И решительно, со всей правдивостью безразличья:

– Ведь она умерла во мне – для меня – уже двадцать лет назад.
Не нужно умирать, чтобы быть мертвым!»

А что же Парнок? Кто она, эта уже знакомая нам незнакомка?

София Яковлевна Парнок родилась 30 июля (11 августа) 1885 года в Таганроге. Ее подлинная фамилия – Парнох, но отец изменил ее на Парнок: ему не нравилась буква «х». Он был владельцем аптеки, мать – врачом. В 1891 году в семье родились близнецы, брат и сестра.

Мать умерла родами. Соня не приняла мачеху и возненавидела отца. Как видим, причина влечения к женщине та же, что и у Цветаевой, – поиск материнского начала. Но если у Марины это эмоциональный всплеск, то у Софии – данность, ее судьба. Здесь, видимо, определяющую роль сыграла нелюбовь к отцу, которая распространилась на весь род мужской. «Я никогда, к сожалению, не была влюблена в мужчину», – скажет позднее поэтесса.

В 1903 году, окончив с медалью гимназию, София покидает Таганрог, уезжает вместе с подругой в Женеву, где поступает в консерваторию. Биографы отмечают ее несомненный музыкальный дар, а как пример музыкальности ее стиха приводят стихотворение «Орган»:

Кто вы, темные сонмы?
Я не знала, что плачут в раю.
От такой ли тоски огромной,
От блаженства ли так поют?
И какое пронзило сверканье
Этот громкоклокочущий мрак?..

Однако музыкантом Парнок не стала. Она прервала учебу в консерватории и вернулась в Россию, поступила на юридический факультет Высших женских курсов. Одновременно занималась литературным творчеством: стихи, детские сказки, переводы. Ее дебют состоялся в 1906 году и сразу же привлек внимание Ходасевича, отметившего, что в ее стихотворениях «отчетливость мысли сочеталась с такой же отчетливой формой, слегка надломленной и парадоксальной, но как нельзя более выразительной». Среди массы стихов – подражаний Бальмонту, Брюсову, Сологубу ее стихи отличались своеобразием.

В это время на Парнок сильное влияние оказал Владимир Михайлович Волькенштейн, драматург, теоретик театра. Он писал стихи, но Александр Блок считал их «скучными». София Парнок вышла за него замуж, желая, видимо, стать «нормальной женщиной». Увы, брак очень скоро распался – Парнок не смогла перебороть природу. Отныне все ее чувства отданы подругам.

Отношения с Мариной Цветаевой не были простым эпизодом в ее жизни. Биографы утверждают, что фотография Марины всегда стояла на столике у постели, а черты ее Парнок постоянно искала в своих новых возлюбленных. Да вот прочитайте посвящение Марине Баранович:

Как странно мне ее напоминаешь ты!
Такая ж розоватость, золотистость.
И перламутровость лица, и шелковистость,
Такое же биенье теплоты...
И тот же холод хитрости змеиной
И скользкости... Но я простила ей!
И я люблю тебя, и сквозь тебя, Марина,
Виденье соименницы твоей!

Эти строки написаны осенью 1929 года, спустя годы и годы после расставания с той Мариной.

После разрыва с Цветаевой, переживаемого очень болезненно (но «я простила ей!»), у Парнок были и другие привязанности. Закатной любовью Парнок стали отношения с Ниной Евгеньевной Веденеевой, преподавательницей Московского университета. Они познакомились в подмосковном Кашине в 1932 году. Может быть, впервые Парнок была по-настоящему счастлива, но

Вот уже смертельная усталость
И глаза, и душу мне смежит.
Вот уж, не бунтуя, не противясь,
Слышу я, как сердце бьет отбой.
Я слабею, и слабеет привязь,
Крепко нас вязавшая с тобой.
Вот уж ветер вольно веет выше, выше,
Все в цвету, и тихо все вокруг, —
До свиданья, друг мой! Ты не слышишь?
Я с тобой прощаюсь, дальний друг.

31 июля 1933 года. Село Каринское. Софии Яковлевне всего 48 лет. Не знаю, как вам, уважаемый читатель, а мне в последних словах слышится прощание с Мариной Цветаевой.

Возможно, вы спросите, почему мы так подробно останавливаемся на интимной жизни Софии Парнок. Исчерпывающий ответ дала биограф поэтессы София Полякова: «Так как Парнок не делала тайны из этой стороны своей жизни, без знания ее непонятными окажутся многие стихи». От себя добавим: необычность ее пристрастий создавала обособленность в обществе, порождала одиночество, что тоже непонятно без знания «этой стороны» ее жизни. И важно понять, что ее трагедия и та неприкрытость, с которой она сама говорит об этом, не должны быть восприняты как бестактное и праздное вторжение в сферу очень личного. А теперь об очень личном – ее стихах.

Жизнь жестоко обошлась с наследием Парнок. Свою литературную судьбу она сравнивала с судьбой поэтессы XIX века Каролины Павловой, тоже не нашедшей признания при жизни:

Но современницей прожив бесправной,
Нам Павлова прабабкой стала славной.

Особое место в духовной жизни Парнок принадлежит Тютчеву:

И в том нет высшего, нет лучшего,
Кто раз, хотя бы раз, скорбя,
Не вздрогнул бы от строчки Тютчева:
«Другому как понять тебя?»

И в письмах к близким, и в стихах поэтессы часто звучит мотив непризнанности:

...в стол... в заветный ящик —
Лети, мой стих животворящий,
Кем я дышу и в ком живу!

Ибо не может встать на путь компромиссов, ибо «признание за душой моей права на существование дороже мне всякого литературного признания». Чтобы заработать на жизнь, занимается переводами. Она переводит Шарля Бодлера, Ромена Роллана, Марселя Пруста и многих, многих других.

В годы Нэпа, когда было разрешено частное предпринимательство, целая группа московских поэтов организовала свое издательство для печатания стихов. Борис Зайцев вспоминал: «Собравшийся у меня в Староконюшенном кружок поэтов удалось превратить в издательскую

артель “Узел”. В артель вошли Софья Парнок, Павел Антокольский, Борис Пастернак, Бенедикт Лившиц». В этом издательстве Парнок издала два своих сборника: «Музыка» (1926) и «Вполголоса» (1928). Предчувствуя ранний уход, она пишет:

Кончается мой день земной,
Встречаю вечер без смятенья,
И прошлое передо мной
Уж не отбрасывает тени —
Той длинной тени, что в своем
Беспомощном косноязычье
От всех других теней в отличие
Мы будущим своим зовем.

В одном из посвящений Бенедикт Лившиц писал Парнок: «Рад, что наши поэтические судьбы пересеклись хотя бы в “Узле”, так как ваши стихи, Софья Яковлевна, я давно люблю».

Послереволюционный быт Софии Яковлевны был труден: нужда, стесненное жилье. Но не эмигрировала. Не смогла. На все вопросы, как всегда, ответила стихами:

Я гляжу на ворох желтых листьев...
Вот и вся тут золота казна!
На богатство глаз мой не завистлив, —
Богатей, кто не боится зла.
Я последнюю игру играю,
Я не знаю, что во сне, что наяву.
И в шестнадцатиаршинном рае
На большом приволье я живу.
Где еще закат так безнадежен?
Где еще так упоителен закат?..
Я счастливей, брат мой зарубежный.
Я тебя счастливей, блудный брат!
Я не верю, что за той межою
Вольный воздух, вольное житье:
За морем веселье, да чужое,
А у нас и горе, да свое.

София Яковлевна Парнок скончалась 26 августа 1933 года в селе Каринском под Москвой. Спустя несколько дней ее похоронили в Москве на немецком кладбище в Лефортово. Газеты сообщили об этом уже после похорон. И немота забвения окутала ее имя.

Муза философа и поэта (Лу Саломэ)

Лу Саломэ не была красива классической красотой. Она была утонченной и эротичной. Ее обаяние обволакивало, а умение слушать делало неотразимой, ибо мужчины обожают быть услышанными. Ее спокойный взгляд, мягкие кошачьи движения...

Импульсивный Ницше был заморожен. Ему сорок лет. Он болен и одинок. А тут судьба подарила надежду: вот душа, которая ему близка. Об этом он, воодушевленный, сообщает своей приятельнице, которая, собственно, и устроила это знакомство.

Луиза, или Лу фон Саломэ, родилась в Петербурге в 1861 году. Ее отец, Густав Карлович, выходец из Прибалтики, верой и правдой служил русскому престолу, за что и был пожалован дворянским титулом и чином генерала. Мать Лу происходила из семьи немецких фабрикантов. Девочка «по-русски плохо знала», ее родным языком был немецкий, а русской няни не было. Жила Лу в замкнутой аристократической петербургской среде, снобистской и холодной. На ее становление сильное влияние оказал пастор Жийо, который учил девочку-подростка философии и преподавал первый урок греховной ласки: во время проповеди гладил нежную девичью коленку.

В 19 лет Лу покинула Россию, чтобы получить образование. Какое-то время она посещала лекции в Цюрихском университете; особенно ее привлекали религиозная философия и психология. В дальнейшем Лу Саломэ станет знаменитой писательницей, чье имя окружено мифами, легендами, тайнами. Одна из них – встреча с Ницше.

Когда в 1882 году мадемуазель Мейзенбух, опекавшая Ницше, предложила Лу познакомиться с ним, девушка согласилась. Ей было интересно поближе узнать философа, сочинения которого лежали в ее дорожном сундучке.

Таким образом, дальнейшие драматические события были предопределены. Мейзенбух, встретив Лу Саломэ, была уверена, что молодая русская подходит Ницше на роль... жены. Откуда ей было знать, что Лу меньше всего собиралась быть хорошей женой, что у нее были совсем другие планы на собственную жизнь? Вот так, стремясь сделать добро, мы порой только осложняем жизнь близким нам людям. Мейзенбух, естественно, об этом не думала, а просто приняла желаемое за действительное. Недюжинный ум Лу, ее чрезвычайная интеллектуальная восприимчивость позволили мадемуазель надеяться, что Ницше найдет в Лу прекрасного собеседника. Увы, этого мало, чтобы стать хорошей женой. Встреча состоялась в Риме, у собора Святого Петра.

Ницше покорен, он восхищен. И удивительно – он, кого называли пророком, так же, как и мадемуазель Мейзенбух, не прочувствовал Лу, ее душу. Не понял, что ее настолько потрясла сила его мысли, что Лу потеряла сон. Но то было преклонение перед гением, а не влюбленность в мужчину. А Ницше жаждал любви и потому со всей страстностью своей натуры отдался этому чувству.

После встречи в Риме они отправились в Люцерну. Но не одни... С ними был друг и ученик Ницше Пауль Рэ. Естественно, влюбленный в Лу.

Все свободное время Ницше проводит с Лу, рассказывает о своей жизни, о первых сомнениях, об открытии Шопенгауэра и Вагнера, о тревогах за будущую жизнь. «Я никогда не забуду тех часов, когда он открывал мне свои мысли, – вспоминала Саломэ. – И в самом деле, жизнь для него была сплошным страданием».

Ницше не признавался ей в любви, но растроганные глаза Лу, слезы, блеск на них, когда она слушала, вселяли надежду на ответное чувство... Фридрих поведал о своих чувствах Паулю Рэ и попросил об этом поговорить с Лу.

Почему не сам? Его состояние было противоречиво: он влюблен, он боится услышать: «Нет!» С другой стороны, Ницше признался: «Жениться – никогда, мне неизбежно придется лгать». А в то же время Лу наполнила жизнь философа неизведанной прежде радостью.

Душу человеческую постичь невозможно. Ницше не хочет жениться, но... он ошеломлен отказом Лу! Возможно, со свойственной ей интуицией Саломэ чувствовала, что Фридрих не способен быть мужем, а потому предложила ему дружбу. Да и напугала девушку его страстность, прежде сублимированная в творчество, а тут вырвавшаяся наружу, как пламя. Ведь писал он в юности: «Пламя – душа моя». Но Лу не собиралась сгорать в этом пламени, сей расклад в ее планы не входил, а главное – Лу Саломэ не любила Ницше. Она всегда будет любить только свободу. Чего еще можно ждать от девушки, которая хранила портрет Веры Засулич?

Фридрих не поверил Паулю, он поехал к Лу, но она была непреклонна – только дружба. Надежды на счастье рухнули:

Счастье, счастье, цель желаний
Вечно близко, все не тут.
Вечно завтра, плод мечтаний!
Тщетно, тщетно счастья ждут.

Лу Саломэ была тонкой женщиной, поэтому она не смогла остаться равнодушной к любви философа. Поэтесса берет в ней верх, она пишет поэму «К скорби». Петер Гаст, прочитав ее, решил, что автор – Ницше. «Нет, – писал ему философ, – эти стихи принадлежат не мне; они производят на меня прямо подавляющее впечатление, и я не могу их читать без слез; в них слышатся звуки голоса, который звучит в моих ушах давно, давно, с самого раннего детства. Стихи эти написала Лу, мой новый друг... Ее острый ум напоминает зрение орла, ее душа смела, как лев, а между тем это чрезвычайно женственное дитя, которое, может быть, недолго проживет...»

Удивительно, но в отношении Лу Ницше совершенно отказывала его знаменитая интуиция. И на сей раз он ошибся. Саломэ пережила его на 37 лет.

Итак, дружба. Ницше не посмел отказаться. А возможно, именно это его и устраивало? В своих воспоминаниях Лу Саломэ рассказывает, как философ посвящал ее в свое учение: страдание – это наша судьба и в то же время наша жизнь; нет надежды избежать, надо примириться со своей участью. Проникнемся же этим страданием, призывал Ницше, обручимся с ним, полюбим его деятельной любовью, будем, как оно, пылки и безжалостны.

У Лу не было желания обручиться со страданием, но она слушала его с глубоким вниманием, и, как считает биограф Ницше Галеви, мы не можем сомневаться в ее искренности – иначе как бы она могла написать «Гимн к жизни», который так потряс Ницше, что он положил его на музыку.

Это были сложные отношения. «Каждые пять дней между нами разыгрывается маленькая трагедия», – признавался Ницше. Но как можно постоянно жить пусть в маленькой, но трагедии, да еще и любить ее?! Гениальный философ действительно был слишком утомителен для обычной женщины, даже если она «самая умная женщина в мире», а ее «душа смела, как лев». «Страшное возбуждение его часто утомляло ее», – вынуждена была признать сестра Ницше, явно не благоволившая к Лу. Фридрих требовал от нее сочувствия каждой своей мысли, а она не хотела отдавать ему свой ум, свое сердце, не хотела растворяться в нем. Кто бросит в нее камень? А вот Ницше возмущен непокорностью девушки, ее независимостью. Не тогда ли впервые возникла в его возбужденном сознании мысль о плетке?

Кроме того, создавалась двусмысленная ситуация: Пауль Рэ тоже влюблен в Лу. Они всегда вместе, всегда втроем. И Ницше начинает нервничать, ему кажется, что эти двое смеются над ним. Обычная ревность мужчины носит у него болезненно-патологический оттенок. А тут еще мать и сестра называют Лу «непристойной особой», женитьба на которой – «позор могиле отца».

Ницше порывает с близкими, здоровье его резко ухудшается. В письме к Овербеку он признается: «Оскорбительные и мучительные воспоминания этого лета преследовали меня, как бред... Если мне не удастся открыть фокус алхимика, чтобы обратить эту грязь в золото, то иначе конец...»

Он «обратил грязь в золото» – несостоявшаяся любовь с Лу Саломэ обернулась для человечества книгой «Так говорил Заратустра». Даниель Галеви назвал Заратустру духовным сыном этого распавшегося союза. Саломэ, судя по ее воспоминаниям, не возражала против такого предположения.

Они расстались. Лу предпочла Пауля Рэ, более земного, более предсказуемого. Сохранился черновик письма Ницше, в котором он прощается с любимой: «...Я еще не вполне разочаровался в вас, несмотря ни на что. Я не знаю, с помощью какого колдовства вы, взамен того, что дал вам я, дали мне эгоизм кошки, которая хочет только одного – жить... Прощайте, дорогая Лу, я больше не увижу вас».

Так и случилось. В 1894 году Саломэ опубликовала книгу «Фридрих Ницше в своих произведениях». Философ уже не мог с ней ознакомиться. Он был узником скорбного дома – так в старину называли дом для душевнобольных. 25 августа 1900 года Ницше скончался.

В 1886 году Лу Саломэ вышла замуж за профессора-ираниста Карла Фридриха Андреаса. Их брак был странен, уверяют философы, ибо, несмотря на духовную близость, в нем отсутствовали супружеские отношения. Тем не менее брак был долгим и закончился смертью Андреаса.

Весной 1897 года среди поклонников Лу Саломэ появился начинающий поэт Рене-Мария Рильке. Ситуация перевернулась наоборот. Он – юн, ему 22 года. Она – зрелая, волевая, опытная. Ей уже под 40.

Он робок, подвержен депрессии, никому не известен, весь в сомнениях:

Кто мне скажет, где предел
в жизни поставлен мне?

(Пер. В. Куприянова)

Она – энергичная, целеустремленная. Считается, что именно Саломэ сделала из него гениального поэта. Сам Рильке не отрицал этого: «Без этой женщины я никогда не смог бы найти свой жизненный путь». Для начала она предложила изменить имя. Райнер – это так мужественно, а Рене – слишком «легкокрыло». Под ее влиянием он стал учить русский язык, изучать русскую литературу. С ней он побывал в России, посетил Ясную Поляну и познакомился со Львом Толстым. Она настояла, чтобы Райнер перевел чеховскую «Чайку». Рильке много пишет в это время. Все его стихи 1897–1901 годов посвящены Лу Саломэ, ей же посвящен и «Флорентийский дневник».

Эта связь не прошла бесследно и для Лу: «Только теперь я молода и только теперь являюсь тем, чем другие становятся в восемнадцать».

Но их «соловьиной» любви пришел конец:

Всего лишь сон – любви начало,
и все кончается судьбой.

(Пер. В. Куприянова)

Это хорошо понимала Лу Саломэ, у нее уже был опыт общения с гением. В начале 1901 года они расстались. Лу отлучила поэта от себя и попросила писать ей «разве что в минуту крайней необходимости». Такие минуты со временем исчезли.

Лу Андреас-Саломэ скончалась в 1937 году в Гёттингене. Здесь она жила последние годы. Здесь писала эссе, стихи, романы, статьи. В 1928 году выпустила книгу воспоминаний о Рильке. Гёттингенский период жизни Лу интересен еще и тем, что в это время она очень увлеклась психоанализом и приобрела известность как сторонница Зигмунда Фрейда.

Остросюжетная жизнь Лу Саломэ породила много легенд и мифов. Одним из первых, кто попытался рассеять туман, окутавший Лу, был биограф Ницше Даниель Галеви: в 1911 году в обеих русских столицах вышла его книга о великом философе, где много страниц посвящено Лу Саломэ. Были и другие попытки. Наибольший интерес представляет фильм Лилианы

Кавани «По ту сторону добра и зла». В середине 90-х годов на малой сцене Театра на Таганке прошел незамеченным спектакль по пьесе австралийского драматурга Дэвида Джорджа «Лу» с подзаголовком «И Фриц... и Райнер... и Профессор».

Туман по-прежнему не рассеялся.

Ее орудием была – ручка (Айрис Мердок)

Знаменитый писатель и его жена. Поэт Андрей Белый уверял, что именно женщина «оплодотворяет творчество гения, творит мужчину актом рождения его духовности». Справедливость его слов вряд ли вызывает сомнения, достаточно вспомнить, какое влияние оказали женщины на Петрарку и Данте, Вагнера и Гейне, Гёте и Пушкина... Но это, что называется, банальная ситуация. А если предположить обратное: знаменитая женщина и... ее муж?

Она – Айрис Мердок, одна из крупнейших современных писателей. Обладательница многих премий, кавалер ордена Британской империи и дама Британской империи.

Он – Джон Бейли, скромный профессор, писатель и критик.

Ее знает весь мир, ее произведения переведены на многие языки мира, экранизированы и по сей день пользуются большой популярностью.

Его знают коллеги по Оксфорду. Для прочих он – всего лишь муж Айрис Мердок. И как показала жизнь – это очень много, ибо быть «всего лишь мужем» для мужчины очень трудно. А он смог. Он любил ее, женщину яркую, неординарную, трудную в повседневной жизни, забыв о мужском самолюбии. Он любил ее, как может любить настоящий мужчина, а не самовлюбленный мачо.

А как она, Айрис Мердок, относилась к мужу? Знавшие ее удивлялись, как такая красавица и свободолюбивая женщина, как Айрис Мердок, могла выбрать себе в мужа робкого профессора словесности. Непонимающим Айрис ответила: «Это единственная любовь в моей жизни». А «робкий профессор» вспоминает: «Вначале я полюбил ее, а гораздо позже, во время танцев в колледже в 1954 году, она заинтересовалась мною».

Режиссер Ричард Айр, снявший фильм «Айрис» об этой удивительной паре, ставшей оксфордской легендой, признался: «Если бы мне пришлось писать подзаголовок к фильму, он звучал бы так: “Бесконечная любовь”». Как бы подтверждая его слова, Джон Бейли рассказывает о времени ее болезни: «Сейчас ни она, ни я не можем признаться в любви друг к другу, по крайней мере на словах. Правда, иногда она кладет мне руку на колено и смотрит в глаза...»

Так какая же она, эта Айрис, один из романов которой так и называется – «Механика любви земной и небесной»?

Айрис Мердок родилась 15 июля 1919 года в Дублине, очень любила подчеркивать свое ирландское происхождение и всю жизнь говорила с ирландским акцентом. Единственный и любимый ребенок, Айрис с нежностью вспоминала свою семью, называя ее «совершенной троицей любви».

Ее отец, гражданский служащий из Белфаста, во время Первой мировой войны служил офицером в британской армии. Мать Айрис происходила из семьи угасающего дублинского мелкопоместного дворянства. Семья переехала в Лондон, где после войны отец стал работать в министерстве здравоохранения. Он экономил, занимал деньги, словом, делал все возможное, чтобы дочь получила хорошее образование, отдавал ее в дорогие прогрессивные школы.

Друзья Айрис вспоминают, что в детстве она была очень доброй и отзывчивой девочкой. И в то же время очень замкнутой и робкой. Среди одноклассников порой чувствовала себя чужой, ей было проще найти общий язык со взрослыми. Возможно, причина в том, что она много занималась, много времени проводила за книгами. Нет, она не была затворницей и даже

неплохо играла в хоккей, но с большим удовольствием занималась живописью, обладая незаурядными лингвистическими способностями, переводила Софокла.

Окончив школу, Мердок получила трехгодичную стипендию в Somerville College в Оксфорде, где в это время к женщинам было весьма предвзятое отношение (отголоски старого: кухня, дети, церковь!). Айрис справилась. О годах учебы в Оксфорде она вспоминала с удовольствием: «Мой бог! Что это было за золотое время!» Именно тогда она приобрела своих друзей, преданных ей до конца ее жизни, ее трагического конца.

Один из сокурсников Мердок вспоминает, что почти все молодые люди были влюблены в нее, поскольку Айрис была очень яркой личностью, у нее была аристократическая внешность и необыкновенно ясное, располагающее лицо.

По окончании Оксфордского университета в 1942 году Мердок переехала в Лондон, став вольнонаемной служащей в казначействе. А после войны Айрис работала в системе ООН, занималась устройством перемещенных лиц. Этот бесценный опыт потом ей, безусловно, помог в работе над романами, в понимании эмоциональной жизни своих героев, ощущающих крайнюю ненадежность земного бытия.

К этому же времени относится ее знакомство с Сартром, с его женой Симоной де Бовуар, с поэтом Рильке. Видимо, не без их влияния она увлекается экзистенциализмом, читает Бердяева, Унамуно, Хайдеггера и других философов. Поступает в Кембриджский университет на философский факультет, защищает диссертацию. В 1948-м возвращается в Оксфорд и становится преподавателем философии.

Но не только философия заполняет жизнь молодой женщины. Айрис – натура страстная, увлекающаяся. Молодые люди влюбляются в нее. Она – в них. Еще в годы войны она потеряла возлюбленного Фрэнка Томпсона, который был направлен к партизанам в Македонию и там погиб. Драматически закончился и ее второй роман: в 1952 году умер Франц Штейнер, с которым она связывала свои надежды на семью, детей. Чешский еврей, чудом избежавший Холокоста, страдал сердечной недостаточностью.

После этого романтические отношения стали тяготить Айрис. Если в 1945-м в дневнике она просто кокетничает: «Влюбляться в А, затем в В, затем в С (все по-сумасшедшему) мне кажется уже немного тошнотворным предприятием», то после смерти Штейнера она категорична: «Я не должна жить в этой пытке эмоций».

«Пытка» прекратилась, когда она встретила своего будущего мужа Джона Бейли: «Прежде всего, моя задача – писать. Я благодарю Бога за этот выход». В 1956-м они поженились. Прежние переживания сублимировались в творчество, которому она полностью отдалась.

Мердок написала 27 романов. Именно написала, ибо ее орудием была – ручка. Не пишущая машинка и тем более не компьютер, а обычная ручка. Перо и бумага. И разнообразие характеров, и полное отрицание автобиографичности. Мистика и философские размышления, трагические события и юмор.

Изошренность ума, тонкий психологизм, изящная богемная эстетика – таковы романы «Под сетью» (ее первый роман), «Колокол», «Море, море...», «Послание планете», «Отрезанная голова». И, конечно, «Черный принц», ставший культовым в СССР в 70-е годы. Последний роман Айрис Мердок, «Дилемма Джексона», вышел в 1995 году.

И еще удивительное предвидение. Ведь именно она в своих романах предсказала общественный взрыв 60-х годов на Западе, предугадала общественный резонанс такой проблемы, как гомосексуализм.

Полвека из-под ее пера выходил один роман за другим. Это был, пишут литературоведы, своего рода конвейер гения. Иногда Мердок начинала новое произведение буквально через несколько часов после того, как поставила точку в предыдущем. В воспоминаниях современников писательница предстает похожей на статую Генри Мура: «Сидела она между массив-

ными кипами бумаги, делая движение лишь для того, чтобы писать. Одна кipa состояла из чистой бумаги, другая – из уже исписанной. Это была феноменальная индустрия».

Романы раскупались молниеносно. Почему? Очевидно, причина в том, что Мердок заглядывала в те глубины нашего «я», в которые нам страшно заглянуть самим. Ведь это сродни триллеру: очень страшно, но очень хочется узнать, что сокрыто от нас.

После ее книги «Метафизика как основополагающий принцип морали», вышедшей в 1992 году, «Таймс» назвала Мердок «нашим Толстым». Основной тезис работы кажется парадоксальным – религия без Бога. Писательница считает, что на смену идее Бога должна прийти идея Добра. Эту идею Добра воплотил в жизнь ее муж Джон Бейли, ухаживавший за Айрис в течение ее трагических последних лет.

Айрис была великой книжницей, читала на нескольких языках, включая русский и японский. И ее, естественно, волновала судьба литературы, судьба собственных произведений. «Мне хотелось бы думать, – говорила она, – что и через сто лет люди все еще будут читать книги. Ну а меньшинство будет смотреть телевизор и пользоваться компьютерами».

На сей раз предвидение отказало: еще не прошло и ста лет, а читает, увы, меньшинство. Большинство уже запуталось в паутине Интернета. И вряд ли это большинство прислушается когда-либо к словам писательницы: «Мне хочется, чтобы людям нравилось читать. Любой роман уводит людей прочь от их тревог и телевизоров; он способен встряхнуть их и заставить подумать о смысле человеческой жизни, о поступках, морали». Вот именно от этого – подумать – люди и бегут в Интернет. А Айрис так надеялась: «Я хотела, чтобы мои романы были понятными».

Айрис Мердок скончалась 9 февраля 1999 года. После ее смерти Джон Бейли выпустил книгу «Элегия для Айрис». Книгу сочли беспощадной и даже бестактной. Ведь в ней описаны сумеречные дни жены-интеллектуалки, погибающей от болезни Альцгеймера. А когда страсти улеглись, оказалось, что книга Джона Бейли – о Любви. Книга-сострадание, книга-воспоминание о той Айрис, в которую он влюбился с первого взгляда, когда она проехала на велосипеде мимо его окна. «Теперь, – пишет Бейли, – наша жизнь полностью и до конца переплелась».

Триумф «Валентины» в Нью-Йорке

Они встретились в 1918 году. Она – Валентина Санина, «очень похожая на пушистую ангорскую кошку». Он – Александр Вертинский. Встретились в харьковском Доме артиста, в подвале которого находилось веселое артистическое кафе. В книге «Дорогой длиною...» Вертинский вспоминал:

«На меня медленно глянули безмятежно-спокойные, огромные голубые глаза с длинными ресницами, и узкая, редкой красоты рука с длинными пальцами протянулась ко мне. Она была очень эффектна, эта женщина. Ее голова была точно в тяжелой золотой короне. У нее были раскосые скулы, красиво изогнутый, немножко ироничный рот». И далее грустное признание: «Я понял, что я погиб...»

Сдаваться Вертинский не собирался. В свободное от концертов время он ходил в театр, где она играла:

Я Вас помню юною актрисой.
Внешность... Ноздри, полные огня...
То вы были Норой, то Ларисой,
То печальною сестрою Беатрисой...
Но играли, в общем, для меня.

«Для меня...» Так хотелось думать влюбленному. Но грустно-бередящие песни того периода, посвященные Валентине, свидетельствуют о другом – взаимности, увы, не было: «Послушайте, маленький, можно мне Вас тихонько любить?»

Они встретятся еще раз, уже в тридцатых годах, в Нью-Йорке. А в 1949-м, перебирая письма и воспоминания, Вертинский напишет:

Как Вы были мне когда-то близки!
Как от Вас кружилась голова!

Однако Валентина Николаевна Санина интересна не только тем, что разбила сердце «русского Пьеро». Она получила известность как основательница дома моды «Валентина», который был знаменит в Нью-Йорке в 1928–1957 годах. У нее одевались Пола Негри и Грета Гарбо, Марлен Дитрих и Клодетт Кольбер.

Как пишет Александр Васильев в книге «Красота в изгнании», тайна рождения Саниной была раскрыта только после ее смерти, ибо, живя в Америке, она убавила свой возраст, назвав дату 1 мая 1904 года. Она родилась в Киеве, но других сведений практически не сохранилось. Туман в ее биографии начинает рассеиваться после отъезда из России. Известно, что на одной железнодорожной украинской станции она познакомилась с Георгием Матвеевичем Шлеем и вышла за него замуж в 1921 году. Вместе они скитались по Европе, пока в 1923 году не очутились в Америке.

Валентина навсегда оставила свои грезы о театре, а посвятила жизнь другой сцене – подиуму. Ее изысканный стиль в одежде, ее оригинальные туалеты привлекали внимание. Американская исследовательница моды Тереза Дузинкевич пишет, что «Санина старалась выглядеть женственно в эпоху, когда дамы пытались походить на мальчиков».

Идея создать свой дом моделей возникла сама по себе, и в 1928 году модный дом «Валентина Гаунэ инкорпорейтед» в фешенебельном районе Верхний Ист-Сайд на Манхэттене открыл свои двери.

Артистический мир сразу же признал «Валентину». Одной из любимых заказчиц стала Грета Гарбо. Она же сыграла и роковую роль в ее жизни.

Поражало их внешнее сходство. И подружки часто пользовались этим, надевая одинаковые туалеты. Это многих интриговало, тем более что о Гарбо ходили слухи... Финал истории был до боли банальным: муж Валентины ушел к Гарбо. Ее тяжелый характер был тому причиной, оправдывался Шлей, считавший, что Грета Гарбо «ангел по сравнению с Валентиной». До конца дней Санина не смогла простить мужа, а имя Гарбо вызывало у нее бурю негодования.

Творческая жизнь Саниной оказалась удачнее семейной. Валентина Николаевна вошла в историю моды как создательница оригинальных моделей. В 1933 году она начала работать в качестве театрального художника. Американский критик Брукс Аткинс считал, что «костюмы, созданные Валентиной, говорят еще до самых реплик актеров». «Каждое ее платье, – объясняет историк моды Александр Васильев, – несло в себе определенный образ, ибо было создано с душой».

Валентина не копировала модели с парижских домов, она искала и находила собственные неожиданные решения. Модели ее сочетали в себе греческие классические драпировки, персидские и индийские мотивы. Прекрасно образованная, она любила использовать в своих моделях детали исторического костюма разных эпох. Одним из ее известных изобретений был купон-подвеска в форме мальтийского креста из изумрудов и бриллиантов, копировавшийся повсюду. В 1950 году Валентина выпустила духи «Май оун» («Мои собственные»), пользовавшиеся большим успехом.

Но всему приходит конец... Валентина Николаевна скончалась в Нью-Йорке 14 сентября 1989 года.

И еще: фирменным украшением дома «Валентина» было черное платье, в котором ее впервые увидел Вертинский в далеком 1918 году.

Вдохновительница семьи Рерихов

Публикация книги «Братство» Елены Рерих в журнале «Радуга» в 1990 году прорвала плотину замалчивания ее имени. Действительно, у всех на слуху Николай Рерих и его сыновья. Таким образом оправдывается происхождение фамилии, ведь слово «рерих» означает «богатый славой» и восходит корнями к древнему скандинавскому Рюрику. А вот Елену Рерих слава обошла. О ней, кого Николай Рерих называл «Ведущая, Вдохновительница, Лада моя», молчит энциклопедический словарь.

Елена Ивановна Шапошникова родилась 12 февраля 1879 года в знатной дворянской семье. По материнской линии она принадлежит к роду Голенищевых-Кутузовых и является праправнучкой фельдмаршала Михаила Кутузова. И в то же время она – двоюродная племянница композитора Мусоргского.

Изящная и женственная, Елена притягивала к себе взоры, но особенно примечательны были ее глаза: «Темно-карие, почти черные, миндалевидные, продолговатые... Это были лучезарные очи с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким, теплым, излучающим сияние взглядом», – такой ее запомнили современники.

Девочка с детства поражала окружающих удивительной тягой к знаниям, к философскому осмыслению реальности. Ее мало привлекала светская жизнь, она мечтала выйти замуж за человека искусства, чтобы помогать ему, вдохновлять его. Возможно, это была ее жизненная задача?! Во всяком случае, судьба услышала ее и подарила встречу с таким человеком – Николаем Рерихом.

Семья выбор Елены встретила скептически, но девушка была тверда. В 1901 году в церкви Петербургской академии художеств она венчается с Николаем Рерихом, а в 1902 году появляется их первенец – Юрий. В 1904-м родился второй сын – Святослав.

Как она и мечтала, вся жизнь подчинена семье. Елена Ивановна – лидер в ней, она – вдохновительница семьи. Русский писатель-эмигрант Георгий Гребенщиков в 30-е годы написал:

«Если бы в нашу эпоху был поднят вопрос о матриархате, то я горячо проповедовал бы избрать на престол матриархата именно Елену Ивановну Рерих. Трудно указать в мире и в истории человечества женщину, столь гармонично в себе соединяющую глубокую мудрость, самую высокую любовь к людям и самые широкие философские знания... Как будто она впитала в себя красоту всех женщин мира за все тысячелетия от сотворения мира».

Елена Ивановна Рерих прожила долгую жизнь, она покинула наш мир 5 октября 1955 года. Ее главный труд – многотомные записи нравственно-духовного учения Агни Йога («Живая этика»). Давайте остановимся на одной из тем, очень близкой нам, – роли женщины в истории.

Елена Ивановна отводила огромную роль в преображении духовной атмосферы планеты в наши дни именно женщине. Она считала, что все переживаемые (и грядущие!) бедствия и болезни в значительной степени являются следствием порабощения и унижения женщин. Ибо, говорит Рерих, женщина-раба может дать миру только рабов. «Великая наступающая эпоха тесно связана с возрождением женщины. Грядущее время снова должно, как в лучшие времена человечества, предоставить женщине место у руля жизни, место рядом с мужчиной, ее вечным спутником и сотрудником».

Это написано в середине XX века. И сейчас, в веке XXI, хочется спросить: какие еще времена должны наступить, чтобы человечество осознало правоту этих слов?!

В заключение разрешите привести несколько сентенций Елены Рерих из книги «Братство»:

«Нужно успеть запастись радостью и испытывать ее в различных обстоятельствах и в различную погоду».

«Нужно полюбить все препятствия, ибо камни на пути лишь ступени восхождения. Давно сказано, что по гладкому камню не взойти».

Крутые виражи Памелы Гарриман

Ее сравнивали с Еленой Прекрасной, называли «рыжей ведьмой». «Памела – настоящая европейская гейша, – восхищался ее друг банкир Эли де Ротшильд. – Стоит сказать, что мне не очень нравится ее платье, она немедленно побежит переодеваться». Уильям Пэйли называл ее «величайшей куртизанкой столетия». А светские хроники занимались изучением «брачного танца леди Пэм».

Изысканная, нежная... И в то же время умный дипломат и политический деятель. Таков вираж судьбы – от куртизанки до дипломата. Так кто же она?

«Если бы Памелы Гарриман не существовало, – сказал вице-президент США Эл Гор в мае 1993 года при назначении ее на должность посла во Франции, – следовало бы ее выдумать».

Ее не выдумали. Памела родилась в старинной аристократической английской семье. Лорд и леди Дигби – ее родители – вели размеренный образ жизни, неизменно переодеваясь к обеду. Им прислуживали два десятка слуг. Детям стол накрывали отдельно. Замок, где родилась Пэм, в XVII веке принадлежал сэру Уинстону Черчиллю. Юная Памела выйдет замуж за его потомка Рэндолфа Черчилля. В ее судьбе будет много мистических совпадений.

Леди Дигби неприятно удивлена. Ее дочь все больше становится похожей на свою прапрабабку леди Джейн Дигби, портрет которой и поныне украшает Галерею красоты баварского короля Людвига I в Мюнхене.

Если справедливо утверждение о реинкарнации душ (а Елена Рерих ответила бы – да), то прямым свидетельством тому является земное воплощение леди Джейн в образе Памелы. Пэм не была так красива, как Джейн, но унаследовала ее неиссякаемую энергию, неувядающую сексуальность и воплотила ее девиз: «Я обыграю жизнь, мужчин и даже время».

Дигби стыдятся скандальной славы леди Джейн в салонах Европы XIX века. Те, кто читал роман Бальзака «Лилии в долине», наверняка помнят эротичную Арабеллу Дадли: «Эта прекрасная леди, такая гибкая, такая легкая, эта бледная женщина с молочной кожей, такая томная и хрупкая... это воздушное существо, словно излучающее фосфорическое сияние, обладает железной силой. Нет такой строптивой лошади, которую не усмирила бы ее нервная рука, такая, казалось бы, нежная ручка, которая не знает усталости». Оноре де Бальзак не единственный, кто воспеет рыжеволосую леди Джейн. Роман – единственное, что у него осталось от капризной любви прекрасной леди. Она ушла от него, как уходила от множества других: «Как хорошо в объятиях существ другого пола, – напевала она французскую песенку. – Вот настоящая грамматика – мужской пол сливается с женским» (по книге Л. Третьяковой).

«Она опозорила наш род», – считает лорд Дигби и убирает портрет леди Джейн из фамильной галереи. А Памела в восторге: «Моя прапрабабка не просто восхитительная красавица!» Она чувствует в себе железную силу Джейн, она уверена, что ее собственная рука не дрогнет, укрощая судьбу, что свою жизнь она проживет не хуже. В одном из интервью она впоследствии скажет: «Я сделала свой выбор. Прожила жизнь как прожила. Прожила счастливо».

А счастливо – это как? Ее ответ: «Наверное, счастье – это отдавать себе отчет в том, как наслаждаться им. Нужно иметь представление о границах и пределах. Они всегда есть», – заявила она в интервью газете «Известия» 19 октября 1990 года.

Многие пытались вывести формулу счастья и успеха Памелы Дигби. Безуспешно. Леди Пэм, смеясь, уклонялась от ответа. Нам же кажется – ее рецепт прост. Ее эмансипированность,

внутренняя свобода, интерес к жизни, искренность в общении с людьми и создали то, что позднее стали называть «феноменом Памелы».

А ведь ее первое появление в столице вызвало снисходительную улыбку. «Эта Пэм – просто безмозглый кусочек сала». Полненькая, веснушчатая, Памела мало походила на женщину-вамп. «Глупышка Пэм» была очаровательна и не более... Ах, как не поняли лондонские львицы природу обаяния и ума рыжеволосой праправнучки леди Джейн. Ее четкого знания цели. А цель она сформулировала еще в детстве: «Когда я начну выезжать, то позволю за собой ухаживать только принцам, герцогам или миллионерам». Леди Джейн подсказала?

Ее первым «принцем» стал сын Уинстона Черчилля Рэндолф. Пэм не раздумывая согласилась на этот брак, сразу же став из неизвестной аристократки одной из первых леди Англии. Однако брак был обречен. Рэндолф – пьяница, любитель женщин. К тому же шла Вторая мировая война, и он с полком уехал в Каир. Памела осталась в Лондоне. Черчилль-старший очень симпатизировал невестке, родившей ему внука – Уинстона Черчилля-младшего.

В 1942 году в Лондон с кратким визитом прибыл президент США Франклин Рузвельт. В числе его помощников – советник Аверелл Гарриман. Первая встреча произошла на вечеринке у Памелы. Однажды во время налета немецкой авиации они спустились в бомбоубежище... В декабре Гарриман срочно покидает Лондон. Кто знал, что их встреча впереди?..

Разведясь с Рэндалфом Черчиллем, Памела не скучала. О ее романтических приключениях злословили великосветские хроники, перечисляя многочисленных любовников, смакуя подробности: «Для многих сильных мужчин XX века путь к славе, богатству, успеху лежал через будуар леди Пэм». Как она к этому относилась? Пусть пишут что хотят, считала Памела, лишь бы не забывали.

Что это? Обезоруживающий цинизм или защитная броня? Видимо, и то, и другое. Ведь ее жизнь не ограничивалась будуаром: «У меня разнообразные интересы, мои друзья – самые разные люди». Среди них стоит вспомнить Жана Кокто, Андре Мальро, Мориса Дрюона, Кристиана Диора, великих американцев – Фрэнка Синатру и Трумэна Капоте.

Не будем перечислять этапы ее любовных побед. Скажем только, что одной из особенностей Памелы было удивительное знание психологии мужчин, умение жить их интересами и отсюда – умение управлять ими. Мы почему-то с пренебрежением относимся к чеховским «душечкам», а зря. Памела убедительно доказала, что «душечка» виртуозно читает партитуру сложнейшего произведения – «Мужчина». Она умела быть нужной и полезной своим избранникам, подчиняя себя их вкусам и привычкам, а расставаясь, сохраняла их дружбу и привязанность. И в этом ей помог совет отца: «Если не знаешь, что сказать, повторяй слова собеседника». Вооружайтесь, читатели, советом старого лорда!

В 1971 году умирает ее второй муж, киномагнат Леланд Хейворд. И судьба вновь сталкивает Памелу с Авереллом Гарриманом. Она становится его женой. Ему 80 лет, ей – 51 год. Он – бывший посол США в СССР, губернатор Нью-Йорка, она – дама с сомнительной репутацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.